

A man in profile, facing right, holding a handgun. The background is a dark, misty forest with blue lighting. The text is overlaid on the image.

Странности множатся,
загадки наслаиваются, ответы
повергают в шок

АЛЕКСАНДР ЩЕГОЛЕВ

СТАРЫЙ ПЁС

— Слово сыщика

Александр Геннадьевич Щёголев

Старый пёс

Серия «Слово сыщика»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39435606
Старый пёс: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-110617-1

Аннотация

Воин не бывает бывшим.

Семнадцать лет прожил он в добровольном изгнании, спрятавшись от людей после страшной семейной трагедии. Но пришло время, и новый вызов заставил Сергея Ушакова, сильного и жёсткого опера, вернуться в мир. Чудовищным образом убит друг детства, из квартиры которого похищена ценнейшая коллекция. Пропала внучка друга. Кем-то вскрыта могила жены Ушакова. Киллер, сидящий на пожизненном, преспокойно ходит по городу. Кто-то неотступно следит за каждым шагом опера, непонятная угроза буквально висит в воздухе. И всё это – только начало в цепи безумных событий, закрутившихся вокруг него. Вдобавок мир за прошедшие годы абсолютно изменился, отшельнику очень непросто привыкнуть к новым московским реалиям...

Содержание

Вводная 1. Сентябрь 2001	5
Миссия первая, провинциальная	15
1	15
Миссия выполнена. Передислокация	74
Вводная 2. Сентябрь 2000	74
Миссия вторая, столичная	84
Конец ознакомительного фрагмента.	146

Александр Щёголев

Старый пёс

© ООО «Студия РЕД КАРПЕТ», 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Вводная 1. Сентябрь 2001

Жить героем, умереть трусом, – как же это несуразно и бестолково!

С другой стороны, жить трусом, а умереть героем, – банально и пошло, скажет эстетствующий циник, и будет отчасти прав...

Однако всё это не имеет к нашему случаю никакого отношения, думает человек в свободной серой куртке, удаляясь от места бойни. Жить мразью, подохнуть мразью, – вот о чём моя история, думает он (ему бы при этом усмехнуться, да куража больше нет).

Мелькнули странные мысли и исчезли.

Он уходит по безымянной улочке – частные дома с одной стороны, редкий лесок с другой, – содрав по пути «чеченку». «Чеченка» – это вовсе не представительница братского народа, а вязаная шапочка с прорезями для рта и глаз. Для тех, кто побывал и поучаствовал, существует только такое название и никакое иное, хотя обычно эти головные уборы именуют балаклавами.

Темнота обступает. С шелестом ложится под ноги чёрный асфальт. Сзади остаётся горящий впустую свет от многочисленных фар, а также окна коттеджа. В куртке человеку жарко, осень нынче тёплая. Сентябрь 2001-го в Москве прекрасен... Свернув с асфальта в лесок, он включает фонарь и до-

бирается до автомобиля, спрятанного на пустыре. Машина угнана несколько часов назад – выдавшая виды «Нива», вряд ли кто-то станет ради неё рвать задницу, а если и станет, то поздно, ребята, дело сделано. Остался последний штрих – скинуть оружие в Бутаковский залив. Это здесь же, в Новобутаково, пара минут езды. Машину придётся сжечь. И быстро, быстро, пока менты не проснулись и не заполонили территорию... Он садится в салон, бросает сумку на переднее сиденье (там звякает АКСУ, хорошо сегодня послуживший) и переодевается. Под курткой – бронежилет. Долой! Куртку скатать и вместе с бронежилетом – в сумку. Это всё тоже придётся бросить в воду – вместе с лежащей в кармане «чеченкой», вместе с ботинками и спортивными штанами. В угнанном авто припасен комплект новой одежды...

Жить героем, умереть трусом... и наоборот...

Ну правда, какой, к свиньям, из Босса герой?! Мразь мелкая. Ну, может, не такая уж мелкая, смотря в какую оптику изучать. Лидер известной ОПГ, то есть организованной преступной группировки. Босс – официальная кликуха, во-первых, от фамилии Бассурманов, во-вторых, от неистребимого жлобства. Понты, а не кликуха. Вот и то, что этот толстяк сегодня организовал для своей братвы – опять же понты обыкновенные, практически гнилые. Понтес вульгария.

Просто на Босса в очередной раз нашло-накатило, с ним это случается накануне дня рождения. То есть в сентябре. Весы по знаку. Устраивает он иногда необычные выезды для

ближнего круга, этакие шуточные испытания, приколы ради. Так-то пахан живёт фактически в крепости, носа лишний раз на улицу не высунет, но сегодня сделал исключение.

А развлечение простое: потряхнуть стариной, вспомнить, что были и мы когда-то рысаками, вернее сказать, хищниками. Засиделись в кабинетах, животики отрастили, – бывшие волки, медведи, лисы и рыси. Докажите, что у вас по-прежнему есть зубы и когти, вот чего хотел Босс от своих остепенившихся уголовников. Сам же он в забавах не участвовал – только наблюдал, получая извращённый кайф.

Выехали на трёх машинах: два «мерса» плюс «хаммер», больше похожий на грузовик. Босс, как обычно, во главе кортежа, в первом «мерсе» (показывает крутость); его авто, разумеется, с тонированным стёклами. Но не броневик. Не броневик у него, ребята, это он прощёлкал, прокололся, лопухнулся... Во-второй машине, собственно, свита, а в джипе – охрана.

Поздний вечер, самое время для охоты.

Первая остановка неподалёку от метро «Балтийская». На дело отправляется красномордый Арбуз, весь в хаки по своему обыкновению. Бывший самбист-полутяж, промышленявший грабежом, а ныне – адъютант, наперсник и немножко телохранитель вожака. В миру бы его назвали близким другом Босса, но какие друзья у главаря ОПГ? Босс придумал ему задание по профилю. И вот Арбуз, изображая пьяного, подваливает к машине ППС. Расстегнувшись, начинает мо-

читься мусоровозу на колесо. Скучающие менты охреневают на секунду, потом выскакивают, налетают на оборзевшего алкаша... ну а потом – вопрос техники. Бойцовской техники Арбуза. Пара-тройка секунд, и оба правоохранителя повержены. Первый – в глубоком нокауте, второй молча извивается под ногами бойца, как червяк. Чистая победа. Арбуз подбирает их оружие, «калаш» и «макаров» (на двоих выдали только один автомат), и вскидывает вверх руки с трофеями. Зрители, вылезшие из «мерса» с «хаммером», радостным гоголом приветствуют победителя. Грабёж засчитан! Бросив оружие обратно в мусорскую машину (зачем дразнить собак), Арбуз возвращается к своим, и Босс сквозь опущенное стекло жмёт ему лапу. Не любит Босс покидать авто и ездит преимущественно в одиночестве, если не считать водителя...

Очередь Шпунтика, пожилого уже мужика, тренировавшего когда-то детишек в известном картинг-клубе.

Великолепный механик и слесарь, ставший взломщиком, когда картинг в стране накрылся. Теперь он – глава научно-технического отдела в группировке Бассурманова (да-да, есть у бандитов и такое подразделение).

Кортеж из трёх тачек останавливается на Головинском шоссе, наплевав на запрещающий знак, напротив оружейного магазина «Витязь». Магазин – это цель. Он закрыт, естественно: опущены стальные шторы на двери и окна. После того как машина вневедомственной охраны проезжает мимо,

штатно проверяя подохранный объект, Шпунтик пересекает дорогу и приступает к работе. Штору поднимает быстро, это несложно, а с дверью возится дольше. Зрители следят, позёывая. Наконец дверь открыта, при этом сигнализация не потревожена. Мастер, что вы хотите!

В магазине Шпунтик ничего не берёт, чтоб не портить хорошую шутку уголовщиной, а только оставляет после себя большую надпись на полу, сделанную аэрозольным баллончиком с краской: «ДИНАМО – ЧЕМПИОН!». Тонкий юмор, учитывая, какую структуру олицетворяет спортклуб «Динамо». Он уходит, аккуратно закрыв дверь за собой – на оба замка, как и было изначально. Мастер...

Зачёта ожидают ещё трое: начальник службы безопасности (полковник в отставке и бывший биатлонист), советник по щекотливым вопросам (действующий спортивный функционер) и бухгалтер. Каждому из них Босс приготовил со свойственным ему юмором интересное приключение.

Бухгалтеру выпадает быть следующим.

Интересный тип этот бухгалтер! В прошлом – чемпион Украины по международным шашкам и по совместительству мошенник, разрабатывавший остроумные многоходовые схемы. Переключившись на финансовую сферу, связался не с теми, с кем можно связываться, и так бы жизнь этого умника и закончилась, если б его не взял под себя Босс.

А испытание, придуманное вожаком, было простым – пристрелить одного козла...

Сначала бухгалтер приссал, чуть не плакал:

– Босс, я не справлюсь, я ж никогда никого не убивал!

Босс был непреклонен:

– Козлов надо мочить, Вася. Мо-чить! Или ты не согласен?

Как Вася мог быть не согласен?

Таким вот образом вся описанная компания и оказалась в посёлке Новобутаково, что в Северном Тушине. На самом деле – натуральнейшая деревня: петухи кричат, козы пасутся. Это в Москве-то, внутри МКАДа! Босс, готовясь к развлечению, специально поставил задачу – найти в городе такие уголки с частными домами, где можно держать скотинку. И помощники нашли. В одном из дворов здесь жил не тужил козёл. Нормальный козёл – рогатый, бородатый, всё как у козлов. Потраховивал самочек, жевал траву и знать не знал, что его, оказывается, заказали...

Бухгалтер, вооружённый фонариком, а также «макаровым» с глушителем, крадёт к нужному дому, перелезает через забор, находит сарай, где обитает объект, несколько мгновений позорно колеблется... и всё-таки нажимает на спуск. Животное с пулей в голове рушится на солому. Бухгалтер бросает рядом с трупом пистолет (как и положено профессиональному киллеру) и летит обратно к коллегам, исполненный невероятного духовного подъёма. Приближаясь к машине Босса, он выкрикивает:

– Я замочил этого козла!

Тут-то из тёмного лесочка и выплыл человек в серой куртке...

Раскатанная «чеченка» на голове не позволяет увидеть, какое у гостя выражение лица. А жаль: возможно, это было бы пострашнее короткоствольного АКСУ в его руках, среди военных именуемого «ксюхой». Он заходит сзади, со стороны «хаммера»; всё сборище в этот момент смотрит на приближающегося бухгалтера и азартно аплодирует.

Развлечение прерывает граната, подкиннутая в раскрытую дверь джипа. Старушка Ф-1, знаменитая «лимонка». Те из охранников, что сидят в салоне, с воплем пытаются выскокить, сердешные. Гигантский «хаммер» словно подпрыгивает, из дверей и окон летят какие-то ошмётки. Кого-то посеколо, кого-то контузило, включая стоящих рядом с джипом, кого-то совсем и навсегда, а кому-то повезло, в больнице выживет. Гость между тем успевает отбежать и упасть на живот, слившись с асфальтом. Остальную охрану он достреливает из «трещётки» – одиночными.

Оглушённая свита быстро приходит в себя, всё-таки они профи. Верный жожаку Арбуз, а также начальник службы безопасности и даже советник по щекотливым вопросам хватаются за стволы, однако сегодня не их ночь. И дольше века длятся для них эти последние секунды, пока они дружно подышают, получив, говоря языком протокола, ранения, несовместимые с жизнью. Бухгалтер Вася собирается дать дёру, но пуля догоняет и его. Лишь инженер Шпунтик, встав на ко-

лени и трогательно закрывшись руками, раскачивается: «Не надо, не надо, не надо...»

Не обращая ни на кого внимания, гость мчится к головному «мерседесу», водитель которого уже запустил мотор. Стальная очередь по тонированным стёклам, и блистательное авто остаётся на месте, ожидая своей участи.

Гость светит фонариком сквозь обвалившееся заднее стекло и целится в пассажира:

– Двинешься – выстрелю.

В руках у того – пижонский «файв-севен».

– Брось пистолет, говорю!

Босс разжимает руку, оружие падает куда-то вниз. Гость осторожно открывает дверцу и осматривает салон. Водитель ранен, вероятно, тяжело; впрочем, это его проблемы. Босса тоже зацепило: вместо пистолета он теперь держится за левое плечо и произносит при этом странное, истеричное:

– Вам нужен не я!

– Именно ты, – отвечает человек в серой куртке. Он видел эту рожу и на бесчисленных фото, и на видео, а главное, живём. Целый год он видел его в поганных снах. Не ошибёшься. Он скатывает с лица «чеченку», превращая её в шапочку, и спрашивает:

– Узнаёшь меня?

– Н-нет, – трясётся Босс.

– Врёшь.

– Подождите, я всё объясню!

– Да насрать, в чистилище объясняй.

– А-а-а... – тоненько взывает Босс.

– С наступающим тебя, мразь.

– А-а-а-а-а...

Гость стреляет ему в рот. Время не ждёт, разговоры в программу не входят. Аборигены, небось, уже все провода в милиции оборвали.

Салон загажен, долго придётся отмывать. Герой хренов, думает убийца, испытывая острое разочарование, и непонятно, о ком он так думает – об убитом или о себе. Кто здесь герой, кто трус?

Столько всего передумано за этот год, столько невидимых миру слёз выкипело, а встретились, и поговорить не о чем. Не такой он представлял эту встречу, совсем не такой.

Одoleвает гостя дурацкое чувство, что слизняк недостоин был пули...

Снова раскатав шапочку, чтоб спрятать лицо, он возвращается к уцелевшим. Первый – Арбуз, почему-то ещё жив, пытается подняться, ищет оружие.

– Ну возьми, возьми, – разрешает человек, ногой подвигая пистолет.

– Гад, гад, гад... – шепчет бандит, выплёвывая слова по полам с кровью.

– Что ты больше любишь, стрелять в детей или трахать женщин?

– Я не... – произносит Арбуз.

– Ты – да, – возражает гость, уткнув ствол автомата ему в пах, и щёлкает переключателем стрельбы.

Звучит короткая очередь, отстреливая альфа-самцу гени- талии. Всего три пули, а какие вселенские последствия. Ар- буз опрокидывается и воет, но не долго. Добить, не добить? – размышляет стрелок. Нет, пусть живёт, если это будет для него жизнью...

Бандит в шоке, и всего дальнейшего не видит.

Шпунтик между тем всё ещё стоит на коленях.

– Вы обещали... – всхлипывает инженер-взломщик. – Я же вам всё... как на духу...

– Не бойся, не трону. Но тебе, сам понимаешь, бежать на- до.

– А семья? Мои... они, это... – Шпунтик замолкает, боясь закончить фразу.

– Живы-здоровы, не психуй. Вот адрес, найдёшь их там. Хватай семью – и сегодня же ночью. Беги, мужик. Беги.

Сделав это напутствие, убийца поворачивается и уходит. По безымянной улочке, потом в лесок, к ждущей его «Ниве».

Во тьму ночного мегаполиса.

Миссия первая, провинциальная

*Низкий дом без меня ссутулится,
Старый пёс мой давно издох,
На московских изогнутых улицах,
Умереть, зная, судил мне Бог.*

Сергей Есенин

1

Что такое высшее счастье? Это быть дома, ходить голым и заниматься онанизмом. А почему? А потому что по сути это означает три простые вещи – быть в безопасности, быть самим собой и получать наслаждение, ни от кого не завися.

Так мне говорил один рецидивист, три четверти жизни проведший на зоне. Может, оно и правда, если ты ещё молод и не лишён оптимизма. Но когда, выползая голышом из-под простыни, кряхтишь на весь свой пустой и безопасный дом, как-то не до счастья. Не говоря уже о том, что мастурбировать в этот момент попросту глупо – особенно поутру.

В пятьдесят пять лет многое из того, на что ты тратил время по молодости, кажется глупым...

Я сел на постели, старик стариком.

Поднявшееся солнце било сквозь занавеску, намекая на то, что утро уже позднее. В деревне рано встают, стыдись, дядя. С другой стороны, с каких пор я стал деревенским? Плевать мне на их стыд и неписанные правила, на их просторы и бездонные небеса, а заодно – на их солнце, рассветы и закаты. Чем дольше спишь, тем меньше времени проводишь в этой постылой реальности.

А разбудили меня вопли, доносившиеся от соседей. Наверное, опять Глашка не пускает Фёдора домой, мельком подумал я, не собираясь вмешиваться. Глашка – баба с тяжёлым нравом, а её муж, как известно, не дурак покуролесить.

С чего вдруг эти мысли о счастье, удивился я сам себе. Да ещё о каком-то там «высшем»! Года утекают, как песок сквозь пальцы, а Вселенная стоит на паузе – вот уже шестнадцать... нет, уже семнадцать лет. С тех пор, как жизнь кончилась. Так что нет у вас для меня ни жизни, ни этого, как его, слово забыл... а-а, «счастья». Возможно, сон что-то такое наваял? Про то, как Босс отбрасывает копыта и отбывает к большому начальству, как хорошая пуля кастрирует Арбуза. Вполне, вполне... У меня в коллекции есть несколько таких повторяющихся снов, скрашивающих мои холостяцкие ночи, так вот этот – единственный, от которого по утрам подъём духа, а не привычная тоска...

Что-то соседи не на шутку разошлись. Если Глашка раньше выплёскивала от сердца «Чтоб ты сдох, скотина!», «Ах ты, тварь рогатая!», «Не трогай, убью!», то теперь – просто

вопила без слов. Вдобавок собака их цепная рычала, срывая горло, и плюс ещё кто-то кричал совсем уж нечеловеческим голосом. Дикая какофония.

Я встал, подошёл к раскрытому окну и отдернул занавеску...

Потом я смеялся.

Громко, смачно, чуть челюсть не свело, с облегчением ощущая, как испаряется, пусть на короткое время, чёрная гниль, заполнившая голову.

Пришлось быстро надевать трусы. К трусам, наверное, полагалась майка... ладно, и так сойдёт. Погоды в этом августе жаркие, а нравы свободные. Я вылез прямо в окно, прихватил лопату, прислонённую к дому, и поскакал по грядкам к соседнему участку...

Когда страсти остыли, Глашка рассказала, как развивались события. Фёдор уехал в город ещё с первым автобусом, повёз внукам деревенские гостинцы, дары уходящего лета. Отправив мужа, Глашка вывела козу во двор и занялась делами. А собака их, злющая овчарка, страшно не любила, когда хозяин уезжал. Умудрилась сорваться с цепи и напала на козу – едва не вцепилась той в горло. Вовремя заметив это, хозяйка бросилась спасать свою скотинку. Оттащила собаку и обхватила козу, не подпуская к ней зверюгу. Собака крутилась вокруг, хватая зубами то козу, то женщину. А дальше – всё это безобразие увидел козёл. Он решил, что женщина обижает его возлюбленную, а может, приревновал, в

общем, что-то нехорошее подумал. Разогнался – и рогами Глашке под зад. Снова разогнался – и снова ударил. А та не может отпустить козу из-за собаки... Вот такое кино узрел я, когда выглянул в окно. Псина страшно рычит, женщина кричит, коза тоже орет – тем самым нечеловеческим голосом (а каким ещё, не человеческим же?), и всё это нанизано на сочные звуки ударов (работает козёл). Короче, психушка.

С кого начинать, вопроса не было: черенком лопаты я отогнал собаку, после чего Глашка утащила козу в сарай. И на том бы конец истории...

Странное совпадение, думал я, возвращаясь к себе. Во сне фигурировал козёл. И здесь, наяву – козёл. Случайность или знак свыше? Не слишком ли много козлов на единицу моего многострадального мозга?

Впрочем, эти мысли, конечно, были не всерьёз. Выверты ментовского юмора, чтоб их всех.

* * *

– Митрич, тормозни! – позвал меня дядя Витя, когда я возвращался с утренней пробежки. Он стоял у себя, по ту сторону металлической оградки, лишь голова торчала над пиками. Тоже сосед, но если Глашин участок примыкает к моим четырнадцати соткам с задов, то этот симпатичный мужичок жил напротив.

– Припозднился ты сегодня, – констатировал он для за-

травки разговора. – Раньше по тебе можно было проверять часы.

– Не поверишь, проспал.

– Проспал – это хорошо, – произнёс он мечтательно. – Богатырский сон, целебное безделье... Я-то, грешный, бессонницей маюсь.

– А ты, дядь Вить, за мной пробегись, днём заснёшь, как младенец.

– Ну да, ну да. Убежал от бессонницы, прибежал к инфаркту, убежал от инфаркта, прибежал к инсульту...

Кокетничал сосед. Здоровяк был почище меня; врача, небось, только в кино видел. Невысокий, коренастый, такой чурбачок на коротких ножках. С пивным животиком, но это простительно. Был он, кстати, моим ровесником, посередке между пятьюдесятью и шестьюдесятью, однако ж я звал его дядей Витей, – привык. Его так, впрочем, все в Озерцах звали, даже старики за семьдесят. То ли из уважения, то ли наоборот. Во всяком случае, в двухтысячном году, когда я сюда перебрался, «дядей Витей» он уже был.

– Не обижайся, Митрич, просто смотреть на тебя завидно. Волевой ты мужик.

– Какой там волевой? Армейские привычки – это наркотик. Гимнастику утром не сделал – весь день чего-то не хватает.

– А не лучше по старинке – дров наколоть, землю вскопать? – пожурил он меня как бы в шутку.

– Дом вырастить, яблоню построить, – продолжил я мысль.

– Яблоню мою не тронь, – погрозил он пальцем.

– Боже упаси, – ужаснулся я. – Как можно!

Дружно посмотрели на его яблоню (деревце ненамного выше меня). Высадил её дядя Витя три года назад и относился, натурально, как к дочери. Говорил, редкий элитный сорт под названием «Энигма», чем страшно гордился. Ухаживал с фанатичным прилежанием: чуть не каждый день выпалывал сорняки, рыхлил землю, кормил, поил и что там ещё. И вот, в этом сезоне яблоня подарила хозяину первый и единственный плод. Дядя Витя был счастлив. С восторгом хвастал, мол, этот сорт плодоносит обычно с пяти лет, а «моя девочка» уже в три готова...

Крона дерева была накрыта сеткой – от птиц.

– А если доберутся и склюют? – предположил я.

Он посерьёзней.

– Тьфу на тебя. Не доберутся! А доберутся... – взгляд его полыхнул. – Всеи стае шею сверну. Потом найду гнёзда и разорю. Птенцов отдам кошкам.

По лицу соседа было ясно – шутки кончились. И вправду шею свернёт, гнёзда найдёт. Нет пощады.

– Ты чего хотел-то, дядя Витя? – напомнил я ему.

– А-а! Звонил участковый, спрашивал, дома ли ты. Просил, чтоб я тебе трубку отнёс. Я ему, дескать, ты в бегах, скоро вернёшься.

– А он? Просил перезвонить?

– Сказал – нет. Сказал – сам позже заедет.

– И чего ему надо?

Дядя Витя пожал плечами и скорчил недоумённую гримасу.

«Просил отнести трубку...» Это понятно: все знают, что у Сергея Митрича, то есть у меня, нет мобильного телефона. Типа из принципа. Сергей Митрич, во-первых, не любит, чтоб его беспокоили, и в главных, до скрежета зубовного ненавидит современные технические устройства (что отчасти правда: в моём доме не водится ни компьютера, ни даже телевизора). В деревне таким вывертам не удивляются. В деревне вообще трудно чем-нибудь удивить, это самое толерантное место на свете, рай для чудиков.

На самом деле мобильник у меня есть – для связи с Мариком. Но никто из деревенских его, конечно, не видел. Я про мобильник. И не увидит.

Марика я тоже старался убересть от любопытных глаз, запрещал мальчику сюда попусту приезжать. Он, правда, не слушался, навещал папулю.

Что касается капитана Бодало, местного участкового, то мы дружны, рыбачили вместе не раз, а бухали и того чаще. Я в своё время специально с капитаном закорешился – на всякий случай. Я с каждым из участковых, что сменились за эти семнадцать лет, корешился. Вот только сомнительно, чтобы сегодня страж закона явился ко мне просто так, от

скуки. Явно по делу, звонок соседу на то указывает.

Это, если честно, напрягает...

– Пойду, – сказал я дяде Вите. – Надо успеть сполоснуться. Подмыться опять же.

– А может он к тебе из-за стрельбы на дороге? – вдруг выдал он.

– Стрельбы?

– А-а, не знаешь! – обрадовался он. – Проспал всё на свете!

– Чего не знаю?

– Говорят, напали на почтальоншу, прямо на шоссе. Целая банда! Раненько вот так вот утречком. Везла она почту из Навозца к нам, а тут они, хотели отнять у неё велосипед, а она вытащила пистолет и всех их положила, уродов.

– Кто, Полина Лукьяновна?

– Да нет же! Молодая девчонка, помнишь? Как её... забыл, как зовут...

– Марина? Что за бред!

– Сам ты бред. Там молоковозка мимо ехала, и продавщица всё видела. Одна пуля даже бочку пробила, которую к нам везли.

– Грузите трупы бочками, – сказал я ему. – Ты бы не отвлекался, у тебя вороньё, вон, уже сетку клюёт.

Дядя Витя крутанулся, едва не упав, а я уже потрусил к своей калитке. Он обиженно крикнул мне в спину:

– Иди, иди, подмойся!

Посёлок Новый Озерец – это в Тверской области, на реке Тверце. Километров двенадцать к северо-востоку от Твери. В сторону Питера, чтоб было ясно. Местные ещё называют его Навозец, приклеилось такое странноватое для посёлка имечко. Называют не со зла, конечно, а потому что на шоссе висят дорожные знаки на въезде и выезде: «НОВ. ОЗЕРЕЦ». Если бегло и не вдумываться, надпись прочитывается как «Нов. Озец». А устно, значит, получается «Навозец».

Но живу я не в новой, а в старой части посёлка, именуемой просто Озерец. Истинный Озерец когда-то и был здесь, начинался отсюда. Здесь хорошие частные дома, ухоженные участки, и стоим мы отдельно. Никаких вам навозцев. Скорее, типа Рублёвки при Москве, ну, конечно, если опуститься до наших масштабов. Нас даже на карте нет, вся цивилизация сосредоточена в основной и главной части, – там церковь, сельсовет, милиция, почта, магазин. От нас до них, до Нового Озерца, с полкилометра ходу.

Восхитительные места, можно сказать, живописные, Левитан с Шишкиным. Речка! И воздух, воздух! Мало того, хоть всё оно здесь как бы глушь с задворками, но, с другой стороны, Тверь под боком, крупный город. Да и от Москвы совсем недалеко. Вот за это ценное сочетание я в своё время и выбрал Озерец.

С годами моё временное убежище превратилось в настоящий дом...

Кстати, насчёт дома. Нарушила болтовня с дядей Витей моё равновесие, всколыхнула что-то этакое, то ли бахрому на несвежих эполетах, то ли растрепавшиеся бинты на старых ранах. И я пошёл во времянку. Дом-то мой (два этажа, высокая крыша с мансардой) – он для внешней жизни, для гостей и соседей, для того же участкового. В конце концов, для женщины, которая иногда приходила, скрашивала моё холостяцкое бытие.

А настоящая моя жизнь, маленькая и тоскливая, текла во времянке, куда я заползал время от времени, как в нору. Никто кроме меня здесь не бывал. Если б забрёл сюда кто-нибудь волей случая или по дурному любопытству, я б, наверное, его убил.

Сполоснулся под холодным душем, переоделся, присел на табурет и огляделся.

Стеллаж с книгами. Ни одного детектива, боже упаси. Много классики, но прежде всего – криминология, психология, правоведение, юриспруденция и прочие профессиональные штуки. Трудно отказаться от прошлой жизни, даже если ты собственными руками убил в себе опера.

В красном углу... не иконы, нет. Что мне ваши иконы? Фотки. Лена с маленьким Марселем на морском пляже – 1996-й, Феодосия. Я тогда уже вернулся с Первой чеченской. А вот – Лена сама по себе, беременная, Максима носит. Моя

красавица... Мы вчетвером, я с женой плюс Максик с Мариком. И опять Лена, и снова она – во всех видах. Выносит Максика из роддома... Получает золотую медаль (они тогда Европу взяли), разминается на тренировке с девчонками, ведёт Марика в спортшколу... Голая в душевой – грозит мне в объектив кулаком... Красуется в моей новенькой форме – лейтенанта милиции. Форма явно мала этой очаровательной жердине...

Эх...

Под полом времянки врыт кессон, прямо у меня под ногами. Хорошо запрятан, так просто не найдёшь. Вскрыть бы его, вытащить всё, что там захоронено – и... Что «и»? Что дальше? Куда, к кому, а главное – зачем? Не сходи с ума, одёрнул я себя.

Помогло плохо. Безумие накатило волной, вызвав жар в кулаках, в сжатых до хруста кулаках.

– Родился – терпи, – строго произнёс я вслух.

Получилось не строго, а жалко. Дежурная формула покоя: («Родился – терпи») к концу жизни, увы, потеряла силу.

Неужели – к концу жизни?

Тогда я развернулся к стене напротив окна. Здесь размещалось моё фрик-шоу, как я называл эту выставку стервятников. Свет падал на фанерный стенд, высвечивая ненавистные морды и хари. Конечно, здесь были собраны фотографии далеко не всех уродов, которых я «закрыл» самолично или с которыми доработали мои ребята. Только те, чьи дела

я не поленился скопировать и перевезти сюда, когда ещё была такая возможность.

Моя компания, как ни крути.

Частенько я садился здесь и заставлял этих нелюдей разыгрывать передо мною представление. Как говорил Шекспир, вся жизнь зоопарк, и звери в ней – актёры. У меня был свой маленький театр-зоопарк, умещавшийся в голове...

Кстати, а не пора ли нам замахнуться на Вильяма, понимаете ли, нашего Шекспира? В Раскольниково и Смердякова мы уже играли, руками Камышева терзали Ольгу, травили ядом Моцарта и Нину Арбенину, короче, оттоптались на страстях девятнадцатого века. Не нырнуть ли поглубже в прошлое? Возьмём, к примеру... ну, кого?... да Гамлета, само собой.

Какой актёр не мечтает стать принцем датским?

Расклад в книге простой: принц возвращается домой из-за смерти отца, выясняет, что короля убил его родной брат Клавдий, который тут же влез на трон, а мать главного героя вышла замуж за убийцу. Гамлет пытается мстить, разработав совершенно тупую с оперативной точки зрения комбинацию, и, естественно, погибает, утащив в могилу не только злодея, но и множество невинных людей...

Скажем, если б Гамлетом был Лёня Вошь. Вон его фотка из архива. Замочил разными способами пятнадцать человек, считая только доказанные эпизоды. Недоказанных – несчи-

тано. И всех на заказ, чрезвычайно практичный был отморозок. Вошь – не кликуха, а фамилия, парень не из блатных, и за смешки по поводу фамилии мог убить (это не фигура речи). Сейчас – на пожизненном... Итак, что бы такой индивид сделал на месте принца? Трон его вряд ли заинтересовал бы, он не дурак и понимает, что королевская власть – это куча самоограничений, необходимость заниматься всякой идиотской текучкой плюс постоянный страх покушений, в общем, сплошной геморрой. Так что перво-наперво Лёня связался бы с Фортинбрасом, принцем норвежским, и предложил свои услуги по устранению королевской четы. Гарантировал бы не только возврат норвежских земель, но и отдавал весь Эльсинор за ненадобностью. Собственные претензии на престол у него отсутствовали, о чём была бы составлена официальная бумага. Золото взял бы в разумном количестве и двумя частями: до и после выполнения заказа. Технические подробности столь щекотливого соглашения, конечно, важны, однако Вошь не пальцем деланный, опыт в таких делах огромный. Ну а дальше – просто. Вломился бы ночью в королевские покои, убив швейцарцев-охранников, зарезал Клавдия на пару с Гертрудой и покинул замок, прихватив с собой Офелию, – бабёнку, которую считал своей. А если бы кто смел помешать ему, то... «видно было бы, где он шёл».

Примерно так.

Хорошо, а вот, к примеру, Арбуз... Раскормленные рожи этого урода во всех ракурсах чуть ли не четверть моей вы-

ставки занимают. Не знаю, жив он или всё-таки подох после того памятного покушения. Надеюсь, подох... Гамлет в его исполнении – проще некуда. Месть ему до лампочки, какая «месть», о чём вы? Ещё скажите – «честь», «дружба», «любовь»... тьфу! Бабло – вот смысл жития и тайна бытия. И Офелий таких в каждом городе у Арбуза пучок за пятак. Короче, быстренько разузнал бы он, где в замке, в каком из подземелий хранится королевская казна (хотя, как принц, наверное, и так знает), забрался бы в спальню Клавдия, убив охранников (эти бедолаги вообще во всех вариантах не жильцы) и нашёл ключ от сокровищницы. Если б в спальне нарвался на короля – замочил бы и его. Королеву – тоже без проблем. Дальше дело техники и профессионализма. Удрал бы из Эльсинора богатым и свободным человеком, ну а чё...

Бассурманов по кличке Босс. Мелкий гадёныш эпохи накопления капитала. Шестнадцать лет как покойник. Мелкий-то мелкий, но Гамлету до него, как до Кремля... Прежде всего он сломал и подчинил бы своих приятелей Розенкранца с Гильденстерном, предъявив им компромат, за который в те времена вешали или на кол сажали. Откуда взялся компромат? Ну а как ему не быть, если сам Босс копает? Таким образом, возникла бы банда, где принц датский – пахан. Всю грязную работу делают кореша, а сам он сидит в сторонке – как бы ни при чём. Таков его всегдашний рецепт успеха. А методы – подставы да всевозможные «прокладки». Хотя, ду-

маю, в довольно простой ситуации, в которой оказался Гамлет, особых изысков не понадобилось бы. Розенкранц с Гильденстерном по приказу Босса насилуют Офелию у неё же в спальне (Босс предварительно отправляет ей записку, мол, приду для разговора, жди). Эту записку клеветы изымают и сжигают, а девушке сворачивают шею и выбрасывают её, полуодетую, головой в окно, во двор замка. На теле жертвы находят другую записку, сфабрикованную Боссом: дескать, король силой лишил меня чести, жить с этим позором не считаю возможным. Полонию, отцу Офелии, и Лаэрту, брату её, Розенкранц шёпотом сообщает, что видел Клавдия, выходящего из спальни их дочери и сестры. Гильденстерн распространяет слух, будто Лаэрт грозился убить короля. В этой каше, пока Клавдий не опомнился, уже сам Босс – ночью – вваливается к дяде. Швейцарцы-телохранители, естественно, убиты Розенкранцем с Гильденстерном. Босс, не чуждый эстетства, рассказывает матери, кто на самом деле отравил её предыдущего мужа (она этого не знала) и заставляет женщину вонзить мерзавцу кинжал в сердце, пока того держат. Мсть свершилась. Босс приказывает Гертруде сказать всем, что короля убил Лаэрт. На следующее утро Лаэрта казнят. Полоний, точно знающий, что его сын короля не трогал, и что Гертруда врёт, на похоронах Клавдия травит королеву. Полония казнят, а Босс из принца превращается в короля по праву... В общем, что-нибудь этакое Гамлет и организовал бы, если б был гражданином Бассурмановым.

– Ау, товарищ классик, ты где? – слышу я голос участкового.

Выглядываю из временки. Он поднялся на крыльцо дома, кричит в открытую дверь и стучит кулаком о косяк.

Надо же, я даже не слышал его мотоцикла. И калитку, между прочим, не закрыл. Нельзя так безоглядно отлетать мыслями, когда-нибудь это плохо кончится...

* * *

«Классик» – потому что знают меня здесь как Сергея Есенина. Так в паспорте, так в военном билете. И паспорт, и военник – настоящие, не страшно предъявлять бывшим коллегам. Специально я себе полного тёзку отнюдь не подгадывал, это случайно получилось, да и не настолько хорошо, положив руку на сердце, наших великих поэтов сегодня помнят, чтоб портить жизнь их однофамильцам. Короче, «лодку быта» мой паспорт до сих пор не сильно мне утяжелял.

Я к чему веду?

К тому, что параллельный мир, в котором я существовал, когда-нибудь должен был выплюнуть меня в мир настоящий. Это случилось именно сейчас.

– ...А дальше, Митрич, какой-то вестерн дурной, – рассказывал мне участковый Бодало. – Девчонка визжит, вырывается, молоковоз тормозит ажна юзом, продавщица, смелая баба, высунулась в дверцу и кроет бандюков матом, и вдруг –

мотоциклист. Откуда он взялся, водитель цистерны не понял, наверное, просто догнал их всех по шоссе. Догнал, значит, остановился, вынул «тромбон» и давай лупить по джипу, красиво так перезаряжая одной рукой. Как в кино. Те, кто в джипе, труханули, Марину отпустили и сразу сдёрнули. Почтальонская сумка осталась в джипе. Ну и мотоциклист тоже, не будь дураком, свинтил. По моим прикидкам, эпизод длился секунд десять, не больше, ну ты понимаешь, как оно бывает, когда всё одновременно. Хоть свидетели и твердят про вечность и бесконечность. Водителю молоковоза показалось – час, бабе-молочнице – полчаса.

– Лица нападавших видели?

– Маринка, естественно, видела. Опознает, если что.

– А мотоциклиста?

– Был в шлеме.

– Номера кто-нибудь запомнил?

– Какие номера, Митрич, если вокруг стреляют?

– Ну да, ну да... Хотя бы марку машины?

– Водитель автоцистерны утверждает, что «лендровер».

– А этот, с «тромбоном», кого-нибудь ранил из джипа?

– Марина говорит, вроде ни в кого не попал. Стрелял по багажнику, по колёсам. Ей показалось, специально. Стрелял картечью.

– Пусть бы и пулями, гладкоствол не идентифицируешь... Как помповик конкретно выглядел – это кто-нибудь заметил?

– Со слов свидетелей – похож на наш «Бекас» или МП-133. Короткоствол с пистолетной рукояткой без цевья. Но они ж не спец. Может, у парня похожий иностранец был, «моссберг», «ремингтон», мало ли вариантов... да и неважно это...

Это и вправду было неважно. Ну, прицепилась шпана на «лендровере» к юной почтальонше, ну, отняли у неё сумку, моё какое дело? Важно было другое: зачем товарищ капитан ко мне заявился?

– Люди болтают, Марина застрелила нападавших из пистолета, – решил я снизить оперативный градус, не нравилась мне эта серьёзность.

Бодало засмеялся.

– А ещё болтают, – отозвался он, – что жизнь гораздо сложнее, чем есть на самом деле. Я, кстати, свой пистолет сегодня первый раз за год из сейфа вытащил, – он похлопал себя по кобуре. – Единственный плюс – почищу наконец, а то разленился я в этих куцах.

Он встал и прошёлся по комнате, разминая ноги и разглядывая обстановку. Ничего интересного здесь решительно не было, как и во всём доме. Надёжный мужик, я таких всегда уважал. Не любит слово «мент», как и все нормальные сотрудники (как и я в своё время), но при этом – мент и есть, хороший, въедливый. Главное – чистый, главное этого, собственно, ничего в нашей системе нет. Может, потому и оказался в Новом Озерце, а не в престижном Центральном рай-

оне Твери. «Поучаствовал», как и многие из нас, только если я – в Афгане и в Первой чеченской, то он уже – во Второй. Короче, сродство душ налицо.

Он приостановился возле кровати и восторженно поцокал:

– Завидую я тебе, капитан...

– В отставке, сэр, в отставке. Пенсионер.

– Вот-вот. Пенсионер, а до сих заправляешь кровать, как по линейке.

– Не могу вытравить из мозгов проклятую казарму.

– Брось! Что бы ни говорили наши доморощенные европейки, казарма – это тот гвоздь, на котором держится нормальная жизнь. Вытащи – и всё посыплется... Не возражаешь? – Примерившись, он осторожно присел поверх одеяла.

– Так что с нападением? – вернулся я к разговору. – Целью было что, отобрать велосипед? Насколько я помню, у Марины хороший велосипед, железный, с толстыми шинами.

– Дурака не строй из себя, – сказал Бодало с внезапной жесткостью. – Я подозреваю, хотели забрать её почтальонскую сумку, и, что-то мне подсказывает, ты склоняешься к той же версии.

– А может, приглянулась сама девчонка? Тоже версия, очень логичная. Предположим, отморозки хотели позабавиться.

– Может, и сама девчонка. Но обязательно в комплекте с сумкой. И знаешь почему? Потому что телеграмму она везла

отдельно. Говорит, как чувствовала, положила во внутренний карман ветровки. Сумку отняли, а телеграмма осталась при ней, такие дела, мой дорогой.

– И? – спросил я. – Извини, намёков не понял.

– Это ты извини. Я без спросу вскрыл телеграмму в связи с оперативной необходимостью. Всё ж таки вещдок. Дело возбуждать так и так придётся. А пока, вот, решил поработать почтальоном, лично привезти человеку корреспонденцию, поскольку Марина в больнице.

Я взял протянутую им бумажку, не спеша заглянуть в текст. Встревоженно спросил:

– Что с девочкой? Травма... или что?

– Подозрение на сотрясение мозга. У меня в опорнике её рвало. Приложили кулаком, пока этот ковбой с «тромбоном» не появился. Ты читай, читай, зря я сюда ехал, что ли?

«УШАКОВУ С М Тверская обл Новый Озерец ул Первомайская 5.

Наш Франкентейн надел дубовый фартук прими соборезнования похороны 25 августа ждём без тебя грустно».

– Ехал ты зря, товарищ капитан, – сказал я медленно. – Я – Есенин. А тут какому-то Ушакову.

– Адресок твой, – тонко подметил он.

– Ошибка, – пожал я плечами.

– Инициалы «С. М.». Сергей... э-э...

– Митрич, – подсказал я.

– Да-да, отчество мимо.

– А на «С» ещё есть Станислав, Серапион, Саид, Сократ...

– Ну что ж, за ошибку бьют не шибко, – легко согласился он. – Коли это не тебе соболезнуют, я документик изымаю. Поработаем с ним. – Он вынул из моих пальцев телеграмму. – Между прочим, тобою интересовались, причём дважды. Разные компании. Вчерашних я не видел, а сегодняшние заявили прямо ко мне в опорник. Прибыли аж из самой Москвы-матушки. Один предъявил ксиву Следственного комитета. Надеюсь, не фальшак, а то сейчас ни в чём нельзя быть уверенным. Второй якобы с Петровки, если тоже не наврал. Я им сказал, что господина Есенина не знаю, но, как разберусь с делами, окажу всемерную помощь в поисках.

– Петя, – спросил я его, – ты чего от меня хочешь?

– Я думал, это ты от меня чего-нибудь захочешь... пенсионер. Друзья всё-таки. Ну а хотел я посмотреть тебе в глаза, капитан, товарищ комроты, ради этого и пришёл... если, конечно, ты и вправду капитан.

Он резко встал и направился к выходу.

– Я бы хотел порасспросить Марину, – сказал я ему в спину.

Он оглянулся:

– Её отвезли в областную клиническую. Найдёшь там.

Прогрохотал ботинками по крыльцу.

Прощай, друг, мысленно послал я ему вслед. Вряд ли мы ещё когда увидимся.

Уходить надо легко, свободно, играючи. Бросать обжитое и не оглядываться, не жалеть ни о чём.

С пустыми руками.

Чтоб не обратили на тебя внимания, не спросили, далеко ли ты направился, милый наш сосед.

Набор вещей для такого экстренного случая у меня всегда был наготове, только по карманам рассовать, что я и сделал. Карманов в моей безрукавке – тьма-тьмущая, люблю я безрукавки, они ведь так похожи на «разгрузки». Пять минут, и ты готов. Повесил на плечо длинное полотенце – в целях маскировки... Была у меня здесь нора – логово состарившегося зверя. Плевать, найду другую. Всё, пошёл...

Приведёт ли меня новая дорога к храму?

А зачем этот ваш храм проклятому и забытому, самого себя вычеркнувшего из жизни?

Впрочем, как выясняется, не совсем забытому...

Да, друг мой Петя Бодало, не капитан я. Когда-то дослужился до «подпола», но, извини, уведомлять об этом факте местную власть вовсе не обязательно было. В своё время числился самым молодым подполковником в московском Главке. А так – пенсионер и пенсионер, по ранению вышедший в отставку в низких чинах. Какой с меня спрос? Конечно, ты теперь копать начнёшь, ты ведь настырный, капитан

Бодало, но я уже сказал тебе «прощай»...

Уходил я через Глашку... молчать, господу гусары!.. всего лишь через её двор. На параллельную улицу, называемую Апрельской.

Глашка, красуясь в открытом купальнике, гнула над грядкой, работая самодельной тяпкой. Хороший инструмент; Фёдор у неё, несмотря на мозговые загогулины, был мастером на все руки.

– Разрешите воспользоваться вашим участком, мадам?

Она изящно распрямилась, сбросила тряпичную перчатку и вытерла пот со лба.

– Фи... – сказала она. – Одетый. Утром, в одних трусиках, ты покрасивше был.

– Еле успел, кстати, надеть. Боялся, козёл тебя покроет... в смысле – уложит.

– Спасибо, что помог. Но я, в принципе, и на козла согласна. Мой-то неизвестно где кувыркается... козёл номер два.

– Так я пройду? – попытался я свернуть со скользкой темы.

– Да ходи ты, когда хочешь! Хоть в трусах, хоть без. Можешь и задержаться, если сладкое любишь, – добавила она игриво. – Тебя – угощу.

Она не стеснялась своей большой крепкой фигуры, знала себе цену. Идеальная натура для Рубенса. Чёрт, деревенские бабы, когда работают, становятся феноменально, просто гипнотически соблазнительны, на мой вкус, конечно. Всё-таки

Фёдор – законченный свин.

– Валентина меня закармила сладким. – Я ей подмигнул. – Уже некуда. Знал бы, оставил местечко.

Валентина – это женщина, которая навещала меня время от времени ко взаимному удовлетворению. Иногда я её навещал, благо разделял нас всего десяток домов. Скрывать нечего – свободные люди, ни к чему не обязывающие отношения. Правда, она всё спрашивала меня, прозрачно намекая, типа, «когда же соединятся судьбы двух одиноких сердец» (не помню, как там пишут в дамских романах). Желания соединять что-либо, кроме срамных частей тела, у меня не было, и очень скоро Валентина должна была это сообразить...

– Оставь местечко, Серёженька, оставь, – покивала Глаша. – Торопиться некуда.

Она подняла и надела перчатку, взялась за тятку, подавая кавалеру ясный сигнал. Ясно, обиделась из-за помянутой всуе Валентины: женщины не терпят даже умозрительного соперничества. Ну и хорошо. Прощай и ты, добрая дачная душа. Надеюсь, тебе стало бы легче, знай ты, что с Валентиной я попрощаться не смогу, так и сгину из её жизни без следа...

Когда я подходил к калитке, Глаша нейтрально кинула мне вслед:

– На речку?

– На речку, – оглянулся я. – Может, окунуться, может, про-

сто посижу.

– Не кисни, всё наладится. Про сладкое я с тобой шутовала, не бери в голову, а про то, что всё будет путём – истинная правда. Поверь старой злоке.

Надо же, поняла моё состояние. Вот ведь чуйка у некоторых баб... у тех, наверное, которым ты и впрямь не безразличен... ладно, проехали.

Дошёл до Тверцы, однако задерживаться на маленьком пляжике не собирался, проследовал мимо и – по тропке, петляющей вдоль реки. Тропка постепенно превращалась в просёлок, а первоначальной целью моего бегства был мост через реку. Мост автомобильный. Соединяет новую дорогу, ведущую к Петербургскому шоссе, с правобережной частью реки Тверца, где, собственно, наш Озерец и расположен. Автобусной остановки в тех местах нет, но, если голоснуть, автобус всегда останавливается. Там же можно попутку на Тверь поймать, ежели помахать светло-розовыми купюрами. Проблема в том, что маячить на официальных остановках (у нас их две, одна перед Озерцом, вторая в Навозце) было нельзя. Садиться в автотранспорт, в любой, мне следовало подальше от мест, которые могли контролироваться незваными гостями.

Кому я понадобился, и кто меня нашёл в этой глуши, я пока не думал, слишком мало было информации.

Особенно нервировала телеграмма. Как сама по себе – одним фактом своего существования; так и тревожным содер-

жанием. «Франкенштейн надел дубовый фартук»... Умер, надо полагать, если назначены похороны. Или убит. Радик Франковский по прозвищу Франкенштейн, мой лучший друг в нашем с ним общем детстве. Умер или убит... Если телеграмма – не провокация. Если провокация – всё понятно, беги, Сырожа, беги. Но если правда, как тогда? Друга детства больше нет... Что прописал доктор в этой ситуации? Доктор Франкенштейн... а ведь он классный был доктор, мой Радик, даром что патологоанатом из нашей же системы... Плюнуть на память человеческую, окончательно оскотиниться и рыть себе новую нору – глубже, ещё глубже? Или поступить как герой, проживший семнадцать лет трусом?

Иначе говоря, вопрос ставится так: пробираться мне в Москву на похороны или нет? Разумеется, изменить внешность, продумать все возможные страховки...

На ходу я вытащил свой мобильник («моторола» с антенной; говорят, таких уже и не помнят) и вызвал Марика. Ответа не было. «Вызываемый абонент выключен или находится вне зоны действия сети». Стандартная фраза, которой Марик меня частенько огорчал, вот только сейчас она была крайне некстати. Именно сейчас нам нужно было переговорить и наметить дальнейшие наши шаги...

А вот и мост.

Просёлок выводит меня наверх, на шоссе. Поднимаюсь и вижу машину – широкую, пухлую, прилизанную. «Ford Mondeo». Есть этом названии что-то неприличное для рус-

ского уха, пробивающее на хи-хи. Впрочем, я помню старые «Mondeo» – рабочие были лошадки и приятные глазу. Не то что эта надутая резиновая кукла... Бесовщина, она и есть бесовщина. Не разбираюсь я в нынешних моделях и марках, и не хочу разбираться. Единственное, что в этой конкретной машине приятного – цвет. Чёрный. Стоит она, ждёт кого-то...

Оказывается, меня.

Из водительской двери вылезает солидный мужчина, шагает мне навстречу, громко молвил:

– Пожалуйста, Сергей Михайлович! Сергей! Не исчезайте снова!

Я узнал его, конечно, как не узнать. Столько лет в одной упряжке милицейский воз таскали. Игорь Рудаков, мой бывший зам и, как он сам когда-то уверял, мой ученик. Изменился, погрузнел, бывший опер, полысел чуток...

– От тебя сбежишь, – ворчу я, размышляя, кто передо мной: враг? друг? – Какими судьбами?

– Я вам всё по дороге расскажу, товарищ подполковник. Ну и вы мне... если сочтёте возможным.

– Это ты нашего участкового выпрашивал?

– Точно так.

– Значит, теперь ты в Следственном комитете?

– Окончил «вышку» и перевёлся. Я вроде ещё при вас поступил...

– Звание, должность?

– Полковник юстиции. Следователь по особо важным.

– О, «важняк»! А напарник твой где?

– Миша сейчас подойдёт. – Рудаков улыбнулся краешками губ. – Тогда и поедем.

– Вы проследили за капитаном Бодало, – сказал я, не сомневаясь в ответе.

– Виноват, у него на морде было написано: всё-то я знаю, но ничего вам не скажу.

– Да понятно, понятно. А вчера – тоже вы?

– Вчера? – искренне удивился он.

Так-так, подумал я. Вчера – не они...

Тут и Миша появился – с той же тропки-просёлка, с которого пришёл я. Спортивный мужичонка, движения быстрые, взгляд острый. Салют, Петровка! Крался за мной, контролируя издалека. Предварительно отзвонился шефу, доложил о передвижениях объекта. Был бы я помоложе, наверняка справился бы с обоими, но сейчас... В общем, они меня просчитали на раз. Старею.

– А как узнали, куда я направился?

– Так вот же, – удивился Рудаков, показывая мне экранчик то ли своего телефона, то ли маленького компьютерика. – На карте все дорожки есть, даже лесные. Снято из космоса. Кроме как вдоль реки – некуда. Здесь я и встал.

– Тьфу! Не допёр. Ненавижу эти ваши, как их... девайсы!

Они оба гадко поулыбались.

– Ну что, Михалыч, погнали? – предложил мне Игорь Ру-

даков. – Поведёт Миша, а мы с вами – на заднем.

Предложил только с виду. На самом деле приказал.

* * *

Поговорить в дороге не успели, даже начать разговор не удалось. Поехали в сторону Твери (то есть Москвы в дальней перспективе), и я попросил водилу:

– Держитесь за автобусом, не обгоняйте.

Миша молча кивнул, соглашаясь. Миновали Озерец, а перед Навозцем (Новым Озерцом) я снова вмешался в управление:

– Михаил, тормозните перед остановкой.

Он послушался, даже не спросив подтверждения начальства.

– Чего происходит? – спросил Игорь.

– Серый «Infiniti», – коротко пояснил Миша. – Сзади.

Встали мы, не доехав метров десяти до автобусной остановки. Автобус тоже остановился, выгружая и принимая пассажиров. Серебристая машина (некий «Infiniti», если Миша не перепутал) торжественно проплыла мимо. Кто в салоне – бог весть, стёкла тёмные, мелькнули только солнцезащитные очки водителя.

– Не обгонял ни нас, ни автобус, – пояснил я Игорю. – Не люблю подозрительные авто на хвосте. Пусть себе едет, куда ему надо.

– Думаешь, за нами кто-то следит? Зачем? – возмутился бывший опер, превратившийся за эти годы, как выясняется, в ограниченного следака. Да плюс погоны, наверное, ума не добавили, ну это уж как обычно...

– Может, за вами, может, за мной. Сейчас проверим. Миша, подожди, пока автобус отгребёт подальше.

На остановке между тем разыгрывалась драматическая сценка. Фёдор – сосед мой и Глашкин муж, – вместе со всеми ломился в общественный транспорт. (Ну-ну, ушел из дому с рассветом, а уезжает в город только сейчас. Видать, где-то в Навозце хорошо провёл время.) С собой у него была сумка на тележке; в сумку, помнится, Глаша заботливо уложила смородину, крыжовник и прочие гостинцы. Для городской части семейства. И плюс – две шикарные трости, самоделки, само собой. Наверное, Фёдор вёз их в подарок своим старикам. Ясень, латунь, бронза, травление... полированные рукоятки – кап, сувель... в общем, сказочный эксклюзив. Золотые руки у человека. В автобус трости целиком не поместились – давка, господа! Загнутые рукоятки остались торчать и заодно зацепили сумку женщины, одной из тех, что не поместилась внутрь. Она как заверещит: «Обокрали!» Пассажиры заставили водителя остановиться. Федя вылез и, пока отцеплял своё изделие от чужой сумки, автобус уехал, увозя его собственный багаж. С урожаем смородины и крыжовника. Он поздно спохватился, побежал следом, но...

– Может, прихватим мужика с собой? – сказал, отсмеяв-

шись, Рудаков. – На следующей остановке, перед автобусом, высадим.

– Федька знал, чем рисковал, когда наставлял рога жене, – сказал я то ли ему, то ли себе. – Уехал бы с утраца – ни во что бы не вляпался, на ранних автобусах народу – ноль... Ау, Петровка! Разворачивайтесь и гоните в обратную сторону.

– Через двойную сплошную, – проворчал Миша, однако сделал, как я просил.

И тут же на шоссе принялось активно выруливать авто, прятавшееся раньше за магазином.

– Какая уродина, – вырвалось у меня.

– «Toyota Supra», – обиделся Миша.

– Это – супра?! – изумился я. – Супры теперь такие?! Рыдать и сдохнуть. Куда катится мир?

– Дальнейшие действия? – спросил он сухо.

– Летим обратно на максимуме до поворота на мост. Свернёте к мосту и тут же снова свернёте на просёлок. Встанете в лесу. С шоссе нас будет не видно, я раньше проверял.

Сказано – сделано.

– Сергей Михайлович, пока мы стоим... – подал голос Миша. – Меня лучше на «ты». Ей-богу, вздрагиваю от ваших «выканий».

– Договорились, Петровка. А я тогда – просто Сергей. Или Михалыч. Если услышу «товарищ подполковник», крупно обижусь.

Когда «Toyota» прошелестела мимо, мы выползли обрат-

но и спокойно покатали, как и хотели первоначально, в направлении Твери.

– Вообще-то ни фиги себе... – ворчал Рудаков себе в нос. – Прогулка на природу...

Проехали мимо остановки в Новом Озерце. Фёдор сидел на корточках, закрыв лицо руками, но нам было не до него. Жаль мужика.

– Ещё бы понять, сколько у них насторожено машин, – встряхнул я товарищей (Миша согласно закивал). – Три, четыре? Две мы засекали слишком легко, чтобы надеяться, что на этом всё.

– Номера этих двух я записал, – сказал Игорь небрежно, как о чём-то малозначащем. – Ухватим за задницу.

Узнаю пижона. Лично я ничего не записывал, просто запомнил. И хвастать не стал. Лишь обронил:

– Ухватишь, если не фальшивые.

Игорь вскинулся:

– Фальшивые? Да что происходит, чёрт тебя дери! Ехали сюда по дохлой наводке – проверить безумную версию... А тут... а здесь... тьфу! Мало, что мертвец оказался живее всех живых, так ещё и с хвостом!!! Что за стаю ты за собой тащишь?!!

– Ты со мною теперь на «ты»? – уточнил я. – Товарищ полковник юстиции.

Он разом пришёл в себя.

– Простите, Сергей. На нервах весь. Такие дела творятся –

и в городе, и на «базе». Теперь ещё и здесь...

– Это ты мне прислал телеграмму про похороны Радика?

– Телеграмму? – не понял он.

– Не присылал? Это плохо. Как вы меня нашли? Что у вас за «дохлая наводка»?

– Вот, взгляните.

Из кожаной папочки появилась фотография. Мимо дорожного знака «Новый Озерец» по обочине шоссе шёл человек. Ясно было видно его лицо – моё, собственно, лицо. Это был я, собственной персоной, пусть и постаревший на положенный мне срок.

– Там ещё на обороте, – подсказал Рудаков.

Я перевернул фотку, натужно пытаюсь вспомнить, когда же меня могли подловить? И кто? Нет, не вспомнил. Одно ясно – случилось это летом, нынешним летом. Судя по моей одежде – недавно... На обратной стороне было написано корявыми печатными буквами: «Сергей Дмитриевич Есенин».

– Подбросили в мой почтовый ящик, – сказал Игорь. Посмотрел на меня с сомнением и добавил: – Я имею в виду – в настоящий, который у меня в подъезде. Кстати, это странно, что в бумажном виде. Легко могли прислать обычный файл по электронке. Или боялись, что я Управление «К» подключу к делу, и их, типа, вычислят по ай-пи? Ну так это натуральная шизофрения, какое, к чёрту, ай-пи...

Пока он нёс эту абракадабру, я добросовестно наблюдал за дорогой и окрестностями. Не только по привычке, но и с

целью. С историей появления Игоря Рудакова в моей застывшей деревенской жизни всё прояснилось, зато до сих пор ничего не было ясно с телеграммой. Глазея по сторонам, я надеялся наткнуться где-нибудь на брошенный джип с изуродованным картечью багажником и пробитыми колёсами. Каких только счастливых нежданчиков не подбрасывает иногда оперская звезда; главное – не профукать их, не пропустить мимо, провожая разочарованным взглядом... Не знаю, то ли я всё-таки профукал гипотетическую удачу, то ли пострадавший «лендровер» сменил колёса и умчал за сотни километров от нас (что гораздо вероятнее), однако напрягался я зря.

Ну, не совсем зря. На ближайшей автозаправке, вернее, на специальном месте для парковки, скучал давешний серебристый «Infiniti».

– Миша, ты видишь? – спросил я.

– А то!

– АТО у хохлов, у приличных людей – КТО, – непонятно произнёс Рудаков (пошутил, надо полагать). – Сверни, Миша. Познакомимся с господами автовладельцами.

Свернули. Однако знакомство не получилось: едва Игорь вылез из «форда» и направился, не скрываясь, к подозрительной тачке, та рванула с места, вывернула на шоссе и – нет её.

Игорь вернулся и спросил у меня:

– Подождём? Где-то сзади ещё «тойота» застряла. Пропустим их?

Как-то он странно поглупел за эти годы, мой бывший ученик. Или всегда таким был? Я пояснил ему ситуацию:

– Они ж связываются друг с другом. Никто теперь тут не проедет, нечего нам ловить. Лично меня беспокоят другие рыбёшки из стаи, – те, которых мы пока не вычислили. И очень, знаешь, хочется, чтоб дополнительно их было не больше одной.

– У вас мания величия, Сергей Михайлович? – осведомился задетый Рудаков. – Зачем кому-то вести вас *по всем правилам*? Двух «коробочек» на хвосте вам кажется мало? Несolidно для такого... кхе-кхе... Ладно, прошу прощения.

– Принимаю, – сказал я. – Был неправ, вспылел, считаю свои слова безобразной ошибкой, раскаиваюсь, прошу дать возможность загладить, искупить. Конец цитаты... Игорь, не обижайся. Я понимаю в ситуации куда меньше твоего, ты-то хотя бы владеешь сводками, рапортами, новостями, о которых, кстати, до сих пор ни полслова. А мои все тайны – из начала века. Голова кругом идёт. Кто и зачем меня раскрыл перед тобою, кто и зачем пустил за нами «колёса», кто прислал эту чёртову телеграмму, кто вообще меня нашёл? При чём здесь девчонка? Почему всё так совпало? Почему – сейчас, почему – я?

– Да-а... – задумчиво протянул Рудаков. – Вопросы... А ведь я, Сергей, никогда не верил, что вы погибли. Слишком хорошо вас успел узнать, чтобы поверить в такое. Мне даже снилось иногда, будто вы вдруг приходите на службу, и

я кричу всем, – там, во сне, – мол, я не сомневался, что он жив-здоров...

– Как-то ты невпопад, Игорь, – вздохнул я. – Успеем наговориться.

– Мечтаю об этом, шеф... Ладно, трогай, Миша, – распорядился он. – И правда, время теряем.

«Форд» резво двинул дальше, накручивая километры на резину.

– Михалыч, насчёт ваших вопросов, – заговорил Рудаков. – Я понял не все из них: какая-то телеграмма, какая-то девчонка... Но на пару последних, мне кажется, ответ очевиден. Почему стрелки сошлись на вас? Из-за смерти Франковского Радия Иосифовича, из-за чего ещё.

Помолчали.

– Его убили? – спросил я, дрогнув голосом.

– Ещё как, – почему-то ответил Миша, опередив Игоря. – Убили – не то слово.

– Поделитесь?

– Даже ОД покажем, если договоримся, – опять сказал опер с Петровки. – Каждый листочек для вас копируем.

– А мне кажется, обеим сторонам есть чем поделиться, – со значением добавил следователь.

Миша на секунду оглянулся, оторвавшись от дороги:

– Не парьтесь, Сергей, ваше прошлое реально уже никого не интересует, – возразил он Игорю. – И знаете почему?

Спрашивается, кто здесь начальство?

– Потому что и эмир, и Ходжа отбросили копыта, один ишак почему-то жив, – сказал я.

Опер засмеялся:

– Примерно так. За давностью лет.

– Рудаков, зачем ты *на самом деле* приезжал в такую даль? – спросил я в упор. – Не только же для того, чтоб сличить меня с фотографией, которую кто-то подбросил? Тем более, если эмир и вправду сдох.

– Есть у нас одна идея... – начал было тот, раздумывая, продолжать ли.

Михаил не стал ждать – словно гвоздь вогнал:

– Возвращайтесь, товарищ подполковник! «Идеи» у них, бя... Вопрос настолько серьёзный, что, простите за пафос, на кону стабильность государства. Такие дела, товарищ подполковник.

– Я же тебя просил...

– Виноват, Сергей Михайлович. Вы, хоть и в штатском, но офицер. Ребята просили, если что, напомнить вам про это.

– Ребята?

– Те, кто остались. Васин, Жемчугов, Льдова, Ортис. Узнали, что Ушаков, возможно, жив, и ошалели все.

Ошалели они. Понятное дело... Но как же мне им в глаза теперь смотреть – после этих семнадцати лет? После того, как я перестал быть ментом?

Не мент я больше, ребята. Сколько ни пришлёпывай к плечам погоны – соскользнут, упадут, рассыплются. Конче-

но! Измазался я так, что не отмоешься... Как смотреть в глаза тем, кто остался чистым?

– Всё стесняюсь спросить, – сказал я, пряча тоску за словесными шпильками. – Ты вообще кто, Мишутка? Переодетый генерал?

– Упырь, – буркнул Рудаков, отвернувшись к окну.

– Михаил Брежнев, – отрекомендовался тот. – Фамилие такое редкое. Примерно как Есенин.

– Брежнев, говорят, обожал Есенина.

– Я к генсеку отношения не имею. Меня вы, конечно, не помните, я тогда практикант был – за сигаретами, за кофе, то-сё. А сейчас – майор.

– Шестой орчатник, конечно? – проявил я проницательность... жаль, мимо, не попал в строку.

Миша Брежнев весело оскалился, глянув на меня в зеркальце заднего вида:

– Обижаете, Сергей! ОРЧ¹ номер шесть – это для людей другого склада, не для меня. Я – скромный убойщик. ОРЧ номер один.

– Из тридцатого отдела, – добавил Рудаков, как сплюнул.

– Подождите, хлопцы, – ничего не понял я. – Когда я уходил, на Петровке было семнадцать отделов. Потом, я слышал, добавился пяток... Что, правда есть тридцатый?!

– Нет такого отдела, – спокойно сказал Миша. – Дядя следователь шутит.

¹ ОРЧ, «орчатник» – Оперативно-розыскная часть.

– Есть такие ведомства, где шутки ценят, но сами шутить не любят. И нумерацию подразделениям дают такую, чтоб враг не догадался.

– Загадками изволите, – сказал я им.

– Давай замнём, юрист, – хмуро сказал Миша Игорю. – Нашёл время... – Он явно хотел добавить «идиот», но сдержался. – Сергей, что вы решили?

– Я подумаю.

– Без вопросов. Ждём и надеемся.

– Значит, говоришь, убийство Радика Франковского ставит под угрозу государственные интересы? – спросил я его.

– Мы, наверное, причиняем вам боль, так спокойно рассуждая об этом, – ответил мне этот паршивец. – Видите ли, трагедия, произошедшая с доктором Франковским, как-то связана со всем остальным, пока непонятно, каким образом. Но это отдельное, самостоятельное дело, конечно. Просто он был вашим другом, что, возможно, повлияет на ваше решение.

– Кстати, дело веду я, – напомнил Рудаков. – Миша, ты не борзей! Я мог и не показывать тебе фотографию с Сергеем, и что тогда?

– Не мог, – отозвался майор безмятежно. – Тогда бы ты был последним гадом, а это противоречит твоему досье из ЦПД.

– Ты читал мою медкарту из ЦПД?! – вскинулся Игорь.

– Нет, ясен пень! Кто ж мне даст! Но её и не надо читать,

чтоб понять, что ты не последний гад. Последних гадов берут или в УСБ, или в судьи. Или, например, в ОРД номер шесть...

– Хватит паясничать! – крикнул я. – Вы, оба! А ну заткнулись!

– Заткнулись, заткнулись... – дал Игорь задний ход.

– Майор, что означает твоё «возвращайтесь»? В какой форме?

– Честно говоря, нас устраивает любой вариант. Например, в Главк может вернуться подполковник Ушаков, причём на хорошую должность. Нет ничего невозможного. С другой стороны, в Москве может появиться некто Есенин, простой криминалист, который будет оказывать Главку услуги консультанта. Или не Главку, а лично нам – частным порядком. Консультировать меня, мою группу, а также, вот, товарища полковника, руководящего следственной группой... Выбор за вами, Сергей. Важна сама помощь, а не её форма.

Мы уже выехали на Петербургское шоссе и теперь постепенно приближались к развязке: вправо – на Москву, прямо – в город Тверь.

– Едем прямо, – сообщил я.

– Зачем? – напрягся Рудаков.

– Заглянем в областную клиническую больницу, она будет вскоре за развязкой. В больнице поговорим с одной храброй девушкой. Это, кстати, и вам надо. Напрямую относится к делу Франковского.

– Надо, значит, надо, – сказал покладистый Миша.

– А что, похоже, совместная работа началась? – расплылся Рудаков в улыбке.

– Посмотрим. Ты мне пока обрисуй, что у вас стряслось, можно кратко. Подробности я прочитаю в Москве, если вы не наврали про копию ОД.

– Лады!

* * *

Радика не просто зарезали, его фактически вскрыли. Причём, по мнению судмедэксперта, во время процедуры тот был ещё жив. Добили его позже – с помощью римского трезубца...

Кино, блин.

Это если совсем кратко.

Я понимаю – насадили бы на вилы, чтоб продвинутая домохозяйка, дойдя до этого эпизода в каком-нибудь сериале, воскликнула: «Боже, какая пошлость!» В центре огромной квартиры со свободной планировкой (то есть без дверей), в царстве евроремонта лежит труп, проткнутый садовыми вилами... не знаю, лично мне это пошлым бы не показалось.

Что касается Радика Франковского, то трезубец из Древнего Рима (только наконечник, понятно) в его мирке был вполне гармоничен. Он уже по молодости был коллекционером, известным в своих узких сферах, а за прошедшие

годы, как мне поведали, приобрёл настоящий вес и репутацию, изрядно выходящую за границы простого хобби. Скажем, по ящику не раз выступал, и не как профессиональный медик-криминалист, а именно что как эксперт по древностям, способный рассказать благодарной аудитории много интересного.

Коллекция из его квартиры пропала, остались только голые стеллажи. По словам Рудакова, Радик владел редчайшими вещами, некоторые из которых были поистине уникальны, а прочие – бешено дороги. Кинжал, которым в Париже закололи Генриха IV. Ритуальная ирландская кукла из тростника, найденная, по слухам, под ложем скоропостижно скончавшейся Каролины, жены английского короля Георга II. Японский меч для сеппуку (ритуального самоубийства), но не простой, а императорский. Стекланный муранский стилет – не менее редкий артефакт. Жертвенный нож ацтеков, XV век, обсидиан... И тому подобное.

Кстати, вскрыли Франковского как раз японским мечом для сеппуку, который бросили тут же, среди кишок жертвы. Побрезговали взять? Ну и трезубец, торчащий из горла, тоже почему-то оставили жертве на память.

Оба этих обстоятельства замыкали цепочку странностей. Сказать, что оставленные артефакты были ценны – ничего не сказать. К примеру, сей конкретный трезубец, грозное оружие гладиатора-ретиария, по легенде, принадлежал школе гладиаторов в Капуе (той самой, за которую выступал Спар-

так). Во всяком случае, эксперты-историки это не опровергали, а вполне даже допускали. И почему-то убийца поленился вытащить его из тела... Эстет? Юморист? Или придурок?

Остальные странности с древностью были связаны слабо. Например, перед смертью Франковского допрашивали, применяя психохимические средства. Кололи ему банальный тиопентал натрий с кофеином, причём дважды подряд. Ну как подряд? С техническим перерывом, само собой, иначе толку ноль. Но суммарная доза была такая, что он просто мог двинуть кони от этой фармакологии, если б сердце не выдержало... Однако выдержало. Тогда гости (убийц, вероятно, было двое) вскрыли Радику грудную клетку и брюхо, используя, как уже сказано, меч для сеппуку. Расширитель с механической тягой оставили прямо в теле. Вскрытие было проделано совершенно неумело и вдобавок прервано на полпути. Вынут и рассечён желудок. Кишечник тоже вытасчен и вспорот ножницами – тут же, на ламинатном полу. Кстати, всё это происходило на кухне, жертву резали на кухонном столе. Патологоанатом уверен почти на сто процентов, что злодеи что-то в теле искали, например, что-то проглоченное жертвой. Нашли или нет, непонятно.

Так же нет ясности с допросом: получили убийцы желаемое или нет?

Это – что касается убийства Франковского. Рудаков особо отметил, что многие подробности оставил на закуску, дал только общую картину; как, впрочем, я и просил.

Я, в свою очередь, описал ему сегодняшнее утро в Озерце и в Новом Озерце. Рассказал про нападение на Марину, помощницу почтальона, про ковбоя-мотоциклиста с помповым ружьём, про «лендровер» с бандюками. А также про телеграмму на имя Ушакова, то есть на моё настоящее имя. Фамилия у девушки есть, спросил меня Рудаков. Чтоб я ещё знал фамилии всех девчонок в округе, огрызнулся я в ответ. Ей где-то 16-17, приехала вроде бы в июле – подработать. Возможно, студентка-первокурсница из какого-нибудь тверского вуза. А может, только школу закончила. У кого жила, не знаю, – вот про всё это сейчас и спросим, сказал я Игорю. Дело-то в том, что официально работать почтальоном она не могла, то есть не имела права носить, например, пенсии, ценные письма и тому подобное. Что такого у неё могло быть в сумке, ради чего стоило бы грабить? Ну, значит, мотив – не грабёж, пожал плечами Игорь, а банальный свербёж у отморозков – отыметь молоденькую, сладенькую, можно сказать, молочную кисочку. А телеграмма, напомнил я. «Отыметь» – это гонорар, законный трофей, а истинной целью могло быть сокрытие от меня информации о смерти Франковского, чтоб не дать мне повод сорваться в Москву...

Увы, до прочих новостей, связанных с государственными интересами, на которые намекал майор Миша из убойного отдела (а также из несуществующего тридцатого), добраться мы не успели.

Припарковались, как большие люди, прямо у пандуса.

Разговаривать буду я, распорядился Рудаков. И в приёмном покое, и на отделении, и в палате. Ксиву он приготовил заранее, крутил её меж пальцев.

Но кто ж знал, что всё пойдёт наперекосяк, – или, наоборот, что ждёт нас неожиданная удача...

Открывая своей ксивой двери и рты, Игорь быстро вытряс из провинциальных медичек палату, куда положили нашу юную пациентку, а также её фамилию... и тут решительного следака переклинило.

– Каганер? – исторгнул он, напугав безобидных женщин. – Марина Каганер?!!

И вдруг сорвался с места, побежал по лестнице на четвёртый этаж, забыв про лифт, надо думать, к палате этой самой Марины. Приговаривал:

– Да не может быть... Цирк... Нашли клоуна...

Мы с Мишей нагнали его уже в общей хирургии, где он летел мимо дверей, закрытых и открытых, перебирая пронзительным взглядом номера палат.

Ворвался в одну из дверей:

– Каганер!

Девушки там не было. Три соседки и пустая четвёртая койка.

– Уехала, – сказала равнодушная толстушка.

– Как – уехала?! – ужаснулся Рудаков. – Ну я сейчас... Я ж их расстреляю, эскулапы чёртовы...

Рванул сначала на сестринский пост, потом в ординатор-

скую. Глядя на его метания, я спросил у Миши:

– Чего это с ним?

– Внучку Радия Франковского зовут Мариной Каганер. Фамилия не то чтоб редкая, но и не частая.

От этой новости меня тоже слегка повело – впрочем, самую малость, не сравнить с Игорем. Давеча он жаловался на нервы... да, я могу его понять.

– Даже если это не совпадение, – сказал я, – с чего вдруг он крошит тут батон?

– Так пропала внучка. А в квартире вашего друга нашли её фотографию с надписью «Я тебе этого никогда не прощу». В конце – десяток восклицательных знаков. Почерк её, есть заключение эксперта.

– Она что, на подозрении?

– Ну а как иначе? В любом случае – объявлена в розыск. Вы её в лицо не знали?

– Не знал. Когда Марина родилась?

– В две тысячи первом.

– Тогда понятно.

– Посмотрите, это она?

Миша нашёл на своём телефоне яркое цветное фото.

– Наша юная почтальонша, – подтвердил я.

– Она же внучка жертвы. Значит, не совпадение.

Он показал следующее фото – обратную сторону фотки с надписью. Ручка буквально пробороздила картон – наискось, размашисто, кричаще: никогда, мол, не прощу, – плюс

частокол из восклицательных знаков. Как драматично.

А тут и Рудаков вернулся злой, но уже спокойный.

– Её забрал мужчина на мотоцикле, – сообщил он нам. – Ждал её внизу. Потом видели, как они уехали. Силой её задерживать не стали, кому какое дело. Расписку у родителей не возьмёшь, а она всем фак показала и адью.

– Кто-нибудь после её бегства приходил, спрашивал о ней? Ты поинтересовался?

Игорь бросил на меня быстрый взгляд.

– Не глупее некоторых. Приходили.

– И что?

– Обломались, как и мы.

– Ну и слава богу, – подытожил мудрый Миша. – Девочка живее будет.

– Пардон, господа, однако мне по малой надобности, – проинформировал я и, не ожидая реакции, направился к туалету, примеченному во время пробежки по коридору. Малая надобность заключалась в том, что с Мариком я так и не связался. То есть на самом деле это была большая надобность – такая, что и размеры сразу не оценишь... Спрятался в кабинке, вытащил трубку и послал вызов.

«Вне сети».

Чёрт, чёрт, чёрт...

Вернулся, что ж делать. И сказал, как будто только об этом и беспокоился:

– Прислать бы сюда человечка, чтобы составил фоторобо-

ты гостей. Это возможно? Желательно сегодня, пока память свежа.

– Я уже отзвонился, поставил задачу. Но с мотоциклистом вряд ли получится, он нигде в больнице не засветился, да и шлем снимал ненадолго, – с горечью сказал Рудаков. – Так, други мои... Теперь в Москву без задержек, насколько я понимаю?

– Наоборот, теперь мы расходимся, – объявил я бывшим коллегам. – Вы – в Москву. Ну или куда захотите. А у меня в Твери есть неотложные дела.

– Не понял... – растерялся Игорь.

– Мне надо встретиться кое с кем – здесь, в Твери. Это важно для дела, для *нашего* дела. Прибуду в столицу завтра с утра, слово офицера. Давайте свои визитки, позвоню.

Слово офицера подействовало, как магическое заклинание.

В нём и правда есть магия. Но только в том случае, если офицер сберёт честь и память. Не уверен, имею ли я право ли я сказать про себя такое.

* * *

За больницей могли следить. Да что там «могли» – должны были, если есть хоть капля правды в предчувствиях. Поэтому, обежав глазом пространство перед приёмным покоем, я едва не засмеялся.

Было довольно много автомобилей по случаю субботы, разбросанных на площадке. Подавляющее их большинство упиралось носом в бордюр (ни родственникам пациентов, ни медикам некогда было разворачиваться), но две машины стояли, наоборот, задом к газону, готовые к выезду. Одна из этих двух была пуста, зато в неприметном «шевроле», спрятавшемся за громоздким джипом-японцем, водитель якобы дремал, надвинул бейсболку на лицо, а на заднем сиденье происходило какое-то шевеление, трудно различимое за немывтыми стёклами.

– А вот и третьи «колёса», – показал я, когда мы уже расселись в нашем «форде». – Ещё, я уверен, кто-нибудь ждёт возле шлагбаума.

– Каков будет манёвр? – спросил практичный Миша.

– На самом деле можно и через шлагбаум. Я думаю, пока Игорёк топтал больничных кур, нам подвесили маячок. И хрен мы его вот так сразу найдём.

– Ты параноик? – осведомился Игорь, явно задетый курами.

– Да. Поэтому мы через шлагбаум не попрёмся. Я знаю, как выехать со стороны кладбища...

– А кроме кладбища никак по-другому?

– Не бойся, Миша, только мимо проедем. Давай по газам. Тут сверни, дальше я покажу...

«Шевроле» остался на месте, что, конечно, ничего не значило. Или, наоборот, значило, что маячок таки реален. Пять

минут спустя мы уже мчались по направлению к Мигаловскому мосту, а ещё через пять были уже на правом берегу матушки-Волги, и никаких хвостов удивительным образом не наблюдалось.

Они высадили меня на Спартака, как я просил, и погребли в сторону Московского шоссе. Тут же откуда-то из Пролетарского посёлка вывернул давешний «шевроле» (как он, сука, там оказался?) и тоже двинул в центр. Следом из переулка появился пешеход, не торопясь потопал по улице Спартака в моём направлении, и моя паранойя криком закричала: по мою душу! Машина наблюдения, очевидно, приостановилась в переулке, выпуская человека (или двух? Или второй выйдет чуть дальше, беря объект в клещи?).

Хуже всего то, что до сих пор не было ясности, кому, кроме Рудакова, я стал настолько интересен. Причём внезапно. С Рудаковым, похоже, всё прозрачно, разве что Миша-опер чересчур темнит. Но – эти странные господа... Главное, неясно, в чьи шестерёнки я попал? Если мною вознамерилась заняться Система, то бишь государственная машина, тогда шансы решать в дальнейшем судьбу самостоятельно у меня равны нулю, как ни рыпайся. Но, во-первых, с чего бы вдруг Система вспомнила о моём существовании, и во-вторых, в этом случае Рудаков с Мишей непременно стали бы её элементами, а не разыгрывали бы одиночек-неформалов. Если же вся эта слежка (откровенно говоря, топорная) – продукт чьей-то частной инициативы... ну что ж, тогда быстро

всё выяснится. Это неизбежно, принимая во внимание, что за спиной Рудакова с его товарищами, как ни крути, стоят ресурсы Системы...

В любом случае – поиграем, господа!

Ваши цели мне неизвестны, думал я, ныряя в знакомые дворики, но ведь и вам мои – тоже.

* * *

За пару дворов до нужного мне дома я чуть не наскочил на «тойоту супра». На ту самую, ту самую! Уродина, которая потеряла нас в Новом Озерце. Повезло мне, издалека засёк.

Тачка, безусловно, была из вражеской стаи.

И тоска поселилась в моём сердце...

Здания здесь – пятиэтажки, подняться на крышу несложно, если знать, в каком подъезде расположен люк, плюс к тому – если иметь ключи от замка. Всё это мною заранее было разведано и предусмотрено (параноик же!), так что вскоре ползал я по крыше, выглядывая над ограждением, и осторожно осматривал подходы к нашему с Мариком дому. Само собой, меня могли засечь – в более мощную оптику, чем моя, – но других вариантов не было. Эту точку я в своё время специально нашёл на такой вот случай. А насчёт оптики... Компактный монокуляр всегда лежал в отдельном кармане моего жилета-разгрузки.

Парочка «ног» срисовалась шутя. Один покуривал в скве-

ре на лавочке, второй маячил у магазина в торце дома с колой в руке. И опять работа свинопасов была настолько топорной, что скулы сводило. Не «ноги» пасли мой подъезд, а лапти дешёвые. Ну никак не Система! Настоящую «семёрку» я бы не то что не заметил – не почувал бы. Или это делалось намеренно – для психологического воздействия на объект? Не знаю... Где-нибудь, возможно, и третий болтался... Впрочем, достаточно было одного, чтобы исчезнуть отсюда навсегда.

Что же получается? На Спартака я от них спокойненько ушёл. Думал – свободен, направился к цели своего путешествия, надеясь застать сына, а застал засаду.

Квартира куплена на фамилию Есенин, вот в чём разгадка. Всё просто, засветился мой персонаж по полной.

Но что же с Мариком, почему выключил трубку? И сам не звонит...

Чёрт, правильно не звонит! Телефон-то мой, получается, меченый. Получается, избавиться от него надо было ещё в Навозце. Плохо быть человеком каменного века, путающим роуминг с биллингом...

Запасная база у нас с Мариком была на Старом Первомайском, это район с той стороны «железки», где современные девятиэтажки живописно соседствуют с двухэтажными деревянными развалюхами (впрочем, почти вся Тверь такая, город контрастов). Бросив мобильник на крыше, спустившись на землю, я покинул опасные места, пятясь задом, если вы-

ражаться фигурально.

Взял такси...

И вот я стою перед дверью нашей однокомнатной кельи, прислушиваясь, приглядываясь и принохиваясь. Пёс, не доверяющий собственной конуре. Опасности не вижу и не чую. Вхожу, готовый ко всему... Квартиру снял Марик, вписав в договор краденый паспорт, купленный (мною) у бомжа. Хозяева давно перебрались в Москву, а платит Марик аккуратно, я ему об этом напоминаю. Да он и сам всё понимает. Пропустил я момент, когда мой нервный, но без меры сообразительный мальчик превратился в тридцатилетнего мужчину. Вернее, сейчас ему уже тридцать пять, а в мужчину он превратился, как пишут в книгах, на изломе веков.

На изломе... Точнее не скажешь: перелом и души, и разума. Восемнадцать ему тогда было.

Бедный мальчик...

Пусто в квартире, лишь на единственном столе (в крохотной кухне) лежит доказательство, что здесь недавно кто-то был.

Письмо.

«Папуля! Что-то вокруг нехорошо задвигалось. Докладываю: с десятого года я нанял двух человек приглядывать за нашей московской недвижимостью, одного кента – за квартирой, а за дачей – соседа, который ближе к озеру, помнишь такого? Не говорил тебе об этом, чтоб ты зря не нервничал. Сегодня

с утра я получил сигнал от обоих. И квартиру, и дачу перевернули вверх дном, а кенту моему даже кажется, что за хатой начали следить. Я ему верю, мужик бывалый. Кто он такой и как я с ним сошёлся, обязательно расскажу, так что не бесись заранее.

А за нашей берлогой в Твери точно следят, это я видел своими глазами. Ну и ты, конечно, тоже видел, если читаешь мой незамысловатый текст. Хорошо, что сам я давно живу в другом месте, у одной бабы, ты её не знаешь (ну не бесись, пожалуйста!). Как поступать тебе лично, решай. Мне думается, что рыпаться не стоит, лучше бы тебе оставаться неотёсанной деревенщиной, только сменить и деревню, и район, и область. Кстати, оставляю новый паспорт, зацени. Хороший паспорт, с ним хоть куда. Ну и шофёрские права не помешают, да? А псевдоним “Есенин”, боюсь, больше не канает. Такой хороший псевдоним спалили.

Сам я, прости покорно, уехал в стольный град. Я любопытный, хочу всё знать. Орешек знаний твёрд, но всё же мы не привыкли отступать. Нам расколоть его поможет порножурнал “Хочу всё знать”. (Неудачно пошутил.) Я осторожный, ты меня знаешь. Раскалываю орехи обычно при помощи удалённого доступа. Не психуй.

Созваниваться по старым симкам нам с тобой нельзя. Трубка с новой симкой – на столе, надеюсь, ты её заметил. Старую разбей. Мой номер в адресной книге, он там один.

Адрес моей московской хаты (у меня, к слову, есть в Москве и собственная недвижимость) доверять бумаге поостерегусь, мало ли что.

Созвонимся. Давай, папуля, пока».

Стервец, вот же стервец! «Не психуй...»

Листаю паспорт – и правда, знатный документ, с первого взгляда не распознаешь, что «липа». Да и со второго, и с третьего... Потому что бланк подлинный. Где, спрашивается, надыбал? Кто заполнял и ставил печати? Выдан гражданину Чухову Андрею Васильевичу. Фотография – моя, та же самая, которую я делал, когда десять лет назад менял по возрасту паспорт Есенина. Лишние фотокарточки, помнится, я тогда не выбросил, а хозяйственный мальчик, значит, их прибрал.

И водительское удостоверение на господина Чухова – новенькое, в ламинате. Плюс доверенность на машину...

Созвонимся, говоришь? Ну я тебе созвонюсь!!!

Включаю новую трубку, нахожу единственный контакт...

– Папуля, извини, я в дороге, – слышу родной голос, и весь гнев сразу испаряется. Жив мой ястребёнок, летит куда-то, – в столицу, надо полагать.

Не ястребёнок – ястреб. Хищник.

И тачка, видимо, у него своя, о которой я тоже ничего не знал, не догадывался.

– Остановись, малыш, поговорить надо.

– О'кей, подожди. Поверну и сразу съеду...

Пока жду, слышу чей-то нежный голосок: «Пропусти его, идиот!». «Да это он меня должен...» «Не видишь, он железный!!!» Ага, мой выросший птенчик прихватил с собой неведомую мне голубку. Которая, похоже, любит командовать; надеюсь, не только на трассе. Может, хотя бы эта наконец женит его на себе?

– Папуля? – зовёт он.

– Почему ты мне не позвонил? Сразу как.

– Догадайся с десяти раз.

– Но один-то звонок можно было...

– Один я сделал. Вашему участковому Бодало. Ты знаешь, что он твой тайный поклонник?

– Марик, не время паясничать.

– Кто паясничает? Я серьёзно, капитан тебя сильно уважает, как фронтовик фронтовика. Когда он попросил, чтобы я немедленно за тобой приехал, я успокоился. Папа у меня не из тех, за кем надо приезжать, если звучит сигнал тревоги. Главное, чтобы тебя снабдили информацией, так? Бодало снабдил. А телефонировать гражданину Есенину в тот неловкий момент, когда наши с тобой нычки обкладывают со всех сторон, было слишком стрёмно.

– Ладно, убедил. Насколько свободно мы можем общаться при твоей даме?

– Не дама, а барышня. (В сторону). Тут о тебе спрашивают, золотце... У барышни наивысший допуск, под мою ответственность. Я вас обязательно познакомлю.

– Тогда вопрос: что за кент у тебя в Москве? Доверяешь ему?

– Скорее, доверяю, чем нет. Я ему, так вышло, когда-то спас жизнь. А ещё он мотал срок, дважды. Квалифицированный «медвежатник». Первый раз засыпался очень давно, я даже не знаю, чего и как там было. А пять лет назад – статья сто пятьдесят восемь, часть три.

– Кража... Чего спёр?

– Тачку угнал. «Медвежатник» сел за угон, обосраться от смеха. Дали трюльник принудительных. Но ты не о том. Слежку он чует, почти как ты, его жизнь научила.

– Ну, прямо почти.

– Ну не совсем, конечно, у тебя верхнее чутьё, у него нижнее, зато очень развитое.

– Что за история со спасением жизни?

– Давай не по телефону.

– Не на бумаге, не по телефону... При этом ты ссылаешь меня обратно в деревню.

– Не ворчи, папуля. Кстати, с тем «медвежатником» вы вроде бы знакомы.

– И кто это?

– Пусть будет сюрприз, не хочу портить.

– Стервец... Адрес свой говори, куда мне ехать.

– Лучше эсэмэской. Лови.

– Поймал... Каким образом твой кент сообщил тебе про нашу квартиру? И заодно сосед – про дачу? По телефону,

что ли?

– Зачем? Есть интернет, а в нём меня не поймать. Может, ты отпустишь нас, и мы дальше покатаем?

– Последний вопрос: откуда бланк паспорта?

– Из нашего УФМС, откуда ещё. Я имею в виду из тверского.

– Они все под строгим учётом.

– Учёт строгий, зато девушки ласковые и с липкими руками. Вернее, одна такая – ух, милашка.

– Сейчас не девьяностые, запросто мог спалиться.

– Ты параноик, тебе говорили?

– Много раз. А что с водительским удостоверением?

– Папа, ты будто не из Системы! Деньги – товар, товар – деньги.

– Это всё до первой серьёзной проверки.

– Да, с Есениным ты круто развернул. А это... ну, на первое время, потом сам подумаешь, как оживить персонажа.

– Кстати, про деньги и товар. Откуда у тебя столько – на машину, на квартиру в Москве?

– Извини, но источники моих доходов – моё личное дело.

Это называется прайвिसити.

– Удобная отмаза. Перед барышней красуешься?

– Она сама кого хочешь раскрасует. Когтями. Папуля, кажется, последний вопрос уже был, причём трижды?

– Давайте, ребятки. Скучной вам дороги...

Сброс и тишина.

Некоторое время я просто стою и улыбаюсь. Обстановка постепенно прояснилась, дела устаканились, пусть и хватало ещё странностей. Как бы я сейчас ни ворчал на сына, все последние часы я только и думал о нём, об этом единственном реальном человеке, оставшемся в моей нелепой старости. Всё прочее – иллюзия. Наглая слежка, жестокие убийства друзей... ничто, пустота.

Со всем прочим я могу справиться. С исчезновением Марика – нет.

Покидаю «однушку», затем, не задерживаясь, – к гаражам на Старицкое шоссе. Там, в одном из кооперативных боксов ждала своего часа моя «шестёрка». Классика, жемчужина «раньше времён». Честное железо, чистокровный седан.

Думал, придётся подкачивать колёса, всё-таки полгода я к своей ласточке не заглядывал... Не пришлось. Масло и тосол в норме, аккумулятор заменён на новый. Марик побеспокоился, подготовил папе машину.

Что дальше?

«В Москву, в Москву, в Москву!» – завещал нам великий Чехов.

Прощай, уютная глубинка, прощай, милый моему сердцу Навозец, думаю я, выезжая на федеральную трассу. Мысленно машу рукой, уверенный, что никогда больше в этих краях не появлюсь...

Уму непостижимо, как иногда неглупые с виду люди ошибаются!

Миссия выполнена. Передислокация

Вводная 2. Сентябрь 2000

Ему рассказали всё, что на данный момент известно, его отговаривали, ссылаясь на подписанные протоколы экспертиз, его буквально умоляли: не ходи, не ходи, не ходи. В самом деле, на что там можно смотреть, если оба тела опознаны со стопроцентной вероятностью? Если против ДНК-анализа не попрёшь?

Его и сейчас отговаривают; озабоченный друг детства шагает рядом, сотрясая воздух ненужными словами.

Он идёт – с бутылкой водки в руке. Бутылка открыта и на треть пуста. Отпивает по пути, не скрываясь, после чего входит известный комплекс зданий, что в Котляково, – в Бюро судебно-медицинской экспертизы.

Танатологическое отделение, номер... номер... какой-то номер, да. Но важно ли, какой? Его ведут, куда он просил, а морг – это и есть морг, как ты его ни пронумеруй.

Слово «номер» болезненно рифмуется с «помер» и отзывается в мозгу нестихающим гулом.

Тела выкачены из холодильника и помещены в отдельную

комнату, как требует закон при опознаниях, вот только понятых за ненужностью нет, здесь только свои, поскольку это не опознание, а прощание.

«Телá» рифмуются с «умерла»...

Жена. Младший сын.

Двенадцатилетнего мальчика убили первым, чтоб мать видела и знала... впрочем, ещё раньше – на глазах сына – её насиловали. Вытащили из дома на дорогу – там и распнули в окружении дачных домиков. Всё это происходило на территории одного из коттеджных посёлков близ Истринского водохранилища. По описаниям соседей-свидетелей было ясно, что насильник, с большой вероятностью, некто Арбуз, бандит и головорез. Лицо было закрыто, но экземпляр уж больно фактурный. Он и руководил нападением.

Головорез – не фигура речи, к сожалению. Если бы.

Вообще, всех гостей описали в деталях, так что, хоть и прятали они свои морды, сомневаться не приходилось: развлекаться приезжали достойные представители так называемой «банды чемпионов», главарём в которой – Бассурманов, кличка Босс. Главарь, разумеется, лично не появлялся, зачем? А стая на что?

Да они, собственно, и не возражали против свидетелей, никого больше не тронули. Типа, смотрите, кому интересно, и другим передайте.

Ребёнка зарезали напоказ и бросили на месте. Обещенную и обезумевшую женщину забрали с собой – тогда

ещё живую. Обнаружили её послезавтра – почему-то в Ленобласти, на территории бывшей спортбазы в Сертолово, влачившей жалкое существование. В бездействующем, захламлённом спортзале. По частям. Туловище с ногами (самый большой фрагмент) просто лежало на матах, сложенных штабелем, отпиленные руки с раздробленными кистями были прибиты к деревянному табло. А голова нашлась не сразу. Её замотали в порванную сетку гандбольных ворот, сами же ворота были когда-то оттащены в кладовку и там потихоньку гнили.

Почему спортбаза, почему ворота?

Жертва по молодости играла в гандбол, причём на самом высоком уровне, даже попадала на пике карьеры в сборную России.

По всему выходило – месть. Но кому, непосредственно жертве? Или её мужу, бредущему сейчас к ней на встречу, на последнюю встречу? Он не размышляет над такими вещами, просто двигает ногами. О чём размышлять, когда решение принято. Попрощаться – и...

Какое счастье, какое сверхъестественное везение, что старший сын живёт в общаге! Семнадцать лет парню, первокурсник, а учебный год две недели как начался. Если б ещё и первенец оказался на даче, вот тогда решать было бы нечего.

Что решать, когда патрон в стволе, ствол во рту, вокруг абсолютная тьма, и душа жаждет хоть какой-нибудь вспышки. А так – цель намечена, задача поставлена, принять к ис-

полнению.

Он отхлёбывает из бутылки...

Потом движение прекращается. В комнате – трое живых и двое мёртвых. Плюс посетитель непонятно в каком статусе, то ли живой, то ли ещё нет. У живых – чужие, окаменевшие лица, хотя ещё вчера это были боевые товарищи, прикрывавшие ему спину, а он был их командиром, их гранитной стеной и маяком в ночи.

– Твои – вот, – чужим голосом сообщает друг-эксперт, показывая на каталки.

Всё чужое, всё лишнее – лица, вздохи, запахи. Сконцентрированное в воздухе острое сочувствие. Чужие руки приподнимают простыню. Всё лишнее, кроме... кроме...

Да, это она.

Неужели муж на что-то надеялся?

Женщину собрали в одно целое, то ли временно, ради этого визита, то ли насовсем: и голова, и прочие части тела здесь же, на положенных местах.

На положенных...

– Открой целиком, – командует посетитель.

Эксперт подчиняется без единого возражения. Туловище зашито крупной нитью («от зобка до лобка», как шутят патологоанатомы), вскрытие уже произведено. На животе – чёрный знак, стилизованная буква «Д».

– «Динамо», – подсказывает верный зам. – Спортклуб.

Как будто и без подсказки не ясно. Спортивные успехи,

достигаемые представителями МВД, никогда не давали бандитам покоя.

– Рисовали, похоже, паяльной лампой, – добавляет другой опер. – Паяльная лампа, кисти раздроблены... Походу – пытали. Суки.

– Она в «Динамо» не играла, – словно бы удивляется муж. – В «Луче», но очень давно.

Он задерживается взглядом на обнажённом теле перед собой, откровенно любуясь. В последний раз. Его жену красавицей никак не назовёшь: длиннющая, жилистая, плоская, с развитым плечевым поясом, в общем, типичная гандболистка. Мячики швыряла со снайперской точностью и убойной силой, что справа, что слева (может, за это и лишилась обеих рук?). Но есть, есть в таких вроде бы неказистых особах своеобразная прелесть! И есть, слава богу, достойные их мужчины, понимающие эту прелесть и способные выдержать их неуёмную страсть...

Он подходит ко второй каталке. Простыню снимает самостоятельно.

Слышен отчётливый всхлип. Нет, это вовсе не отец убитого мальчика дал слабину, просто среди соратников, пришедших его поддержать, затесалась леди. Если точнее, Железная Леди, прозванная так за жесткость в делах. А тут не выдержала.

Он целует сына в ледяной лоб, после чего роняет в воздух:
– Когда их отдадут?

– Пока неизвестно.

И тогда он широким жестом прикладывается к бутылке, после чего, не оборачиваясь, шагает к выходу.

– Вас подвезти? – крутится под ногами встревоженный зам. – Я на своей.

Качнувшись, шеф хватается за косяк. Подчинённые переглядываются. Командира мотает и заносит, как в шторм. Когда из бутылки выплёскивается, он чертыхается. На улице его зам предпринимает последнюю попытку посадить шефа к себе в автомобиль и, ясное дело, нарывается.

– Отскочи, ученичок!

Командир залезает в свой «жигуль» и резво стартует, будто у него гоночный болид, а не выдавшая виды жестянка.

Странно, ни во что не врежется...

...Врезается через несколько часов – уже под вечер. Приехал на семейную дачу, на ту самую, где два дня назад... он бьёт головой о руль, трижды просигналив о своём прибытии, и застывает на некоторое время. То обстоятельство, что машина, пробив кусты рябины, со скрежетом воткнулась в стальную ограду, его не беспокоит; это, собственно, его ограда, его дом. Хорошо, скорость была скромная: посёлок расположен на горке, не разгонишься. Впрочем, чужой оказался бы дом – тоже плевать... Он вылезает из салона, бросив на пассажирском сиденье и табельное оружие, и служебное удостоверение.

Главное, бутылка водки при нём, это, согласитесь, и

впрямь сегодня главное.

Бутылка вряд ли следующая по счёту (после морга), и даже вряд ли из первой партии. Скорее, из нового ящика.

А перед поездкой на дачу он побывал в московской квартире... Ещё одно тяжкое воспоминание.

Забыть!

Оказалось, старший сын ждал его дома. Московский дворик возле Цветного бульвара, центр города. Отсюда удобно пешком ходить в Главк... было удобно... А юноша сбежал из Долгопрудного, где едва начал учиться в МФТИ (факультет радиотехники и кибернетики) и где поселился в одной из многочисленных общаг. Родители предлагали ему снять где-нибудь там непритязательную квартирку, – нет, не захотел отрываться от коллектива.

Сын сидел на лестнице, в квартиру даже не заходил. За спиной – любимый рюкзачок, распухший от вещей, словно человек в поход собрался.

Закричал сразу, как увидел отца:

– Где ты был, когда их убивали?

Тот выронил пакет. Часть бутылок разбилась, пахучий ручеёк побежал по ступенькам.

– Во Владикавказе. Сегодня вернулся.

– Зачем сегодня, если можно через месяц?

– Как сообщили, так и вернулся... Пойдём в квартиру, весь дом слышит.

– Да насрать на твой дом! Не смог их защитить, товарищ

супермен! Всё из-за тебя, из-за твоей работы!

– Малыш... мальчик мой...

– Не дотрагивайся до меня! Помнишь, мать тебе говорила? Я своими ушами слышал. Она говорила, когда кто-нибудь из нас умрёт, ты обязательно будешь в командировке. Ну, вот и... Надеюсь, хотя бы мир спас.

Юноша побежал вниз, грохоча кожаными берцами, а мужчина даже не пытался его задержать. Грохнула дверь подъезда – как взрыв...

Всё, прожито и забыто.

Человек, бросив свой «жигуль», бредёт по посёлку вниз по улице. Чтоб добраться до озера, надо спуститься и – желательно – сохранить равновесие. Очередной глоток ему в этом помогает. Из-за заборов на него смотрят.

– Пойду купаюсь, – машет он рукой.

– Вода ж холодная, – протестует кто-то смелый.

– Нормально. Эт-ты в Подкумке ещё не плавал.

– Остановите его кто-нибудь, – голосит женщина с добрым сердцем.

– Отставить! Вода чистая, офицер должен быть чистым!

– Ты бы хоть не пил...

– Согласен, – признаёт свою ошибку «офицер», доставая из кармана пиджака новую ёмкость. – Надо меньше пить...

Он спускается до пляжа, повторяя эту незатейливую мысль: «Надо меньше пить... Надо меньше пить...»

Раздевается, одежду аккуратно складывает.

Посёлок расположен на так называемой другой стороне водохранилища, дальней от Москвы. Неподалёку, например, известное товарищество «Авион», построенное и заселённое лётными пенсионерами и их родственниками. На «другой стороне» не найдёшь жлобских дворцов и усадеб с вертолётными площадками, нет здесь и пансионатов с медсёстрами (и медбратами), которые оказывают эскорт-услуги, здесь всегда жили и будут жить обычные советские люди.

Обычные люди, может, и рады бы вмешаться, да что-то им мешает. Возможно, абсолютная уверенность, с которой действует слетевший с катушек дачник.

Он раз плеснулся – вылез, обтёрся тельняшкой. Два плеснулся – вылез. К водочке не забыл приложиться. Снова в воду... И так всё это обыденно, что люди успокаиваются. Вода и вправду холоднющая, мужик быстро протрезвеет, думают они, теряя к происходящему интерес.

Лишь через пару часов, когда горе-пловец пропал, была поднята тревога.

Одежда – на берегу, пистолет и документы – в машине, а человека нет...

Пока спасателей подняли, пока они раскачивались, прошло ещё несколько часов. Так что утопленника не нашли. То ли спьяну «переплыть море» вздумал, захлебнулся и не всплыл. То ли с русалкой познакомился – взамен потерянной супруги... И через трое суток не нашли. Течение в Истре быстрое, могло далеко утащить. До Москвы-реки вряд

ли, но далеко могло, факт. Поиски ещё долго не прекращались, повинуюсь просьбам с Петровки, но, ребята, всему есть предел, даже вечной памяти...

Мало того, сын утонувшего офицера тоже пропадает, так и не возвращается домой. На Цветном бульваре его больше не видели. В МФТИ не показывается, бросил учёбу, толком не начав её. Опера расспросили соседей по лестнице (от них и узнали о скандале в тот день, когда их шеф ездил в морг), потом неделю искали парня по городу. Вроде бы его видели на рынке – грузчиком работал. Наркоманы говорят – ширялся в какой-то мутной компании, но это не точно. Таджики помнят, как он шаурмой торговал, но это ж таджики... Короче, там видели, сям видели, и при том – не ухватить, не вычислить. Говорят, уехал в Воронеж. Или в Соликамск (это ведь где-то рядом?). Другие слышали, будто собирался в Белгород, а про Воронеж или Соликамск – туфта. Третьи уверены, мол, рванул на Украину, в мир дикого хохляцкого Запада.

Вот так вот, не выдержав утраты, мгновенно и пугающе просто без вести пропадают два близких друг другу человека. Была большая счастливая семья – нет семьи...

Миссия вторая, столичная

Нет, я не ненавижу Чуху. Я просто хочу убить его.

Грегори Робертс

Опять кошмар. Один из повторяющихся и особо мучительных, с которыми так и не удалось договориться за прошедшие годы.

Я встал, обтирая вспотевшую грудь простыней.

Было полседьмого утра: сработал внутренний таймер. Всегда срабатывает, когда я не дома, разве что в идиллических Озерцах начал давать сбои, однако время расслабляться прошло. Солнце било в окно. Я выглянул, автоматически продумывая пути отхода. Третий этаж, потолки высокие (три с половиной метра), близость земли обманчива...

Квартира ещё спала. Я прогулялся, нашёл сортир. Очень кстати: отлить накопленное, зубки почистить, водички попить, то-сё. Пошёл дальше. Марсик отхватил такую хату, что хоть стой, хоть падай. Хорошо помню, в мои времена таких в природе не существовало. Без дверей, с интересными закутками, называется «свободная планировка»: то есть можно просто бродить, можно кататься на скейте, в конце концов, можно плутать и даже заблудиться. По моим прикидкам – двести квадратных метров. Хамовники, улица Ефре-

мова. Обязательно узнаю, сколько в этих местах стоит метр, но в любом случае платёжеспособность отпрыска поражает воображение. Вопрос: много ли ещё у него таких сюрпризов, спрятанных от папули?

Терпеть не могу тайны.

А вот и зальчик, выполнявший здесь функцию спортивного комплекса. Беговая дорожка по периметру, в центре – маты, «качалка» в примыкающей комнате. Есть боксёрский мешок и турник. На длинной низкой скамейке, словно утащенной из советской школы, лежали чистые треники и майки. Я приоделся и затеял было обычную разминку, когда явился сонный Марсик...

Пардон муа. На «Марсика» он уже с пяти лет начал смертельно обижаться: наверное, в детском саду задразнили. А в школе из-за такого имени, как я догадываюсь, приходилось драться. Поэтому – Марик и только Марик.

Полное его имя – Марсель, что вовсе не дань моде, отнюдь нет. Это сейчас мальчик приходит домой заплаканный и говорит, мол, у нас в детском саду у всех нормальные имена – Бенедикт, Доминик, Мадонна, Каролина, – и только он, как дурак, какой-то Саша. А в 1982-м, когда первенец наш родился, таких имён и в проекте не было, зато Саш и Сергеев бегало по дворам, как котов. Марселем его назвала Ленка, потому что за год до того они с командой взяли Европу, золотые медали, не хухры-мухры. Первенство как раз проходило в городе Марсель...

– Давай на маты, подерёмся. – Я дёрнул его за нос, пробегая мимо.

– Ты ж старый, – ожил он и азартно задвигал руками, плечами, закрутил головой. – Зашибу случайно.

Может и зашибить, да. Взял от родителей лучшее. От мамы, например, рост и феноменальную крепость сухожилий. От меня, коли уж речь зашла (скромно надеюсь), взял ещё и ум... Насчёт «подраться» за парнем не заржавеет, как спичка вспыхивает, если что. Помню, летом перед поступлением в МФТИ вообще поганая история случилась. Поссорился тогда с лучшим другом, хрен знает, на какой почве, а до того были – не разлей вода. Короче, до драки. Кажется, того бедолагу Алесь звали... точно, Алесь Маркуша, белорус. Марик его натурально избил, до больницы. Запросто могли возбудить дело, причём уголовное, лёгкие телесные повреждения там точно были. Я бы замял, конечно, ходил бы к следаку на поклон, дело бы переквалифицировали, а то и развалили, я остался бы следаку крупно должен... Алесь не стал писать заяву. Но помириться они не успели. Через пару месяцев не стало Лены, и пришлось нам с Мариком исчезнуть...

– Готов? – спросил я. – Хватит круги нарезать, не поможет.

Он в темпе ходил по залу, выполняя по ходу разминочные движения.

– Квадраты, – возразил он. – Где ты тут видишь круги?
Начали спарринг.

Меньше чем через полминуты, первый раз укладывая его на маты, я сказал ему:

– Ошибка первая. Ты можешь зашибить кого-то, но не меня. Я учил тебя драться, то есть, как учитель, знаю все твои повадки. Ты обязан это учитывать, формируя стратегию и тактику.

Бросая второй раз, добавил:

– В детстве мы с тобой занимались самбо. Я смотрю, ты с тех пор в айкидо наблатыкался, но со мной эти танцы не проходят, как видишь. Так что ошибка вторая. То, что в детстве вдолбили – это по сути животные рефлексy, в них твоя настоящая сила. В них и спрятан твой секрет победы. Даже над учителем...

В третий раз впечатал мальчика от души:

– Не расстраивайся, ученику очень трудно, да почти невозможно победить учителя, если тот в хорошей физической форме. Я, как видишь, пока в хорошей. Так что настоящая и единственная ошибка в том, что ты изначально неверно оценил возможности соперника, обещая кого-то тут зашибить. Это уже изъян не в стратегии, а в способе мышления.

– А ты обидчивый, папуля, – прокряхтел он, вставая со скрипом. И махнул кому-то рукой: – Видал, каков?

Оказалось, за нами наблюдали. Искандер стоял в коридоре, скрестив руки на груди. Поняв, что его заметили, спросил:

– Что будете?

Он спросил именно у меня.

– В каком смысле?

– Омлет, тосты, овсянка, сыр, мюсли с молоком или йогуртом? Я на кухню, приготовлю.

– Просто кофе, – сказал я. – Без молока, не сладкий.

Марик воскликнул, вдруг развеселившись:

– Иди лучше, покажи папе класс!

«Класс»? Приятель сына и правда впечатлял – в одних-то шортах. Мощный, широкий, коротко стриженный. С длинными руками и толстыми кривоватыми ногами. Волосатый практически весь, как обезьяна. Заметно моложе Марика... Не знаю, кто он по национальности, но, похоже, с Кавказа, тем паче «Искандер»... хотя это могло быть и кличкой. Нормально поговорить с сыном, чтоб без свидетелей и без спешки, у меня так и не получалось, а вопросы копились и копились. Во всяком случае, как я понял, этот его Искандер – во все не тот «кент», который наблюдал за старой квартирой.

– Боюсь, поздно меня в классы водить, – сказал я. – Экзаменовывать, табель заполнять...

Искандер чуть смутился.

– Сергей Михайлович, Марсель прикалывается. Кофе вам какой, арабика, робуста? Есть «лавацца», есть «паулиг». Хотите – «лювак».

– Завидный у тебя адъютант, Марсель, – прикололся и я, изображая безобидное простодушие. – Я всю офицерскую

жизнь о таком мечтал.

– Хорошо хоть не денщик, – в тон отозвался кавказец.

– Адъютант? – возмутился Марик. – Поднимай выше!

Позвольте представить моего заместителя по физике.

Физику Марсель обожал с раннего детства, брал первые места на олимпиадах – аж на всероссийских (всесоюзных не застал, иначе и там бы, конечно). Потому в своё время и выбирал мучительно между физфаком МГУ и Физтехом.

– Искандер, на ковёр! – скомандовал Марик, посерьёзнев. – Ни фига я не шучу. Такой шанс посмотреть на мастеров.

И стало ясно, ху из ху в этом тандеме.

А также какую «физику» имел в виду Марик. Вообще, у моего сыночка то ещё чувство юмора: когда говорит, обычно непонятно, шутит или нет.

– Если только Сергей Михайлович не возражает, – слегка поклонился мне Искандер, невесомо улыбнувшись.

– Контакт или только обозначаем?

– Как решите.

– Без разминки... Ну, просто поиграем. Для начала.

И вот «для начала» этот физик взял со скамейки пару «быков» и надел их, жестом пригласив меня сделать то же самое. Серьёзный товарищ. Он сбросил тапки (я и так был босиком), после чего взошёл на маты, как к себе домой. «Быки» – это перчатки с открытыми пальцами специально для рукопашки, ими и бить можно, и хватать. Валялось несколь-

ко размеров на выбор – я примерил, нашёл себе по руке.

Хорошая схватка – к быстрым родам, говорил мне один гинеколог. Секреты мастерства, так сказать. То, к чему так хотел приобщиться Марик...

В первые десять секунд стало ясно, что Искандер – выраженный «ударник», причём база его – бокс. Полутяж с поставленным ударом и, похоже, приличной техникой. Такие прочно стоят на ногах, и вообще, взять грамотного боксёра на приём сложнее, чем кого бы то ни было. Насколько хорош у него удар, было непонятно, мы же вроде как играли, а также непонятно было, каков он в борьбе. Я поначалу только защищался, пытаюсь просчитать мальчишку, к тому же он явно не хотел сближаться – с его длинными-то граблями. Но ведь, как говорил великий Кузнецов, только защищаясь – не победишь... Десять секунд прошли, пятнадцать, и закончились игры. Так всегда бывает с бойцами, привыкшими побеждать, особенно молодыми и азартными. Я снова поймал улыбочку, скользнувшую по лицу моего противника, бесплотную, рефлекторную. И всё про него понял. Не смог он себя проконтролировать. Улыбка эта – предательская реакция на мысли, а в мыслях у него вызрело раскидистое, насмешливое превосходство.

Почувствовал превосходство – заказывай себе марш Шопена.

Одно мгновение, и вот я уже ясно вижу, что будет дальше: что сделает он, что сделаю я... Он бьёт в полную силу

по моей защите, по подставленному предплечью, думая, что действует внезапно. А правда, что тут такого? Не в лицо же бьёт – всё, как договаривались. Удар стремительный и реально тяжёлый, если б я не ждал его, не факт, что справился бы. По задумке, я должен сбиться с ноги, потерять на долю секунды равновесие, а то и споткнуться, что я и демонстрирую, нарушив стойку и вскинув руки выше допустимого. Туловище моё открыто для атаки – милости просим. Искандер прыгает ко мне, собираясь *показать* красивое завершение схватки.

Дистанция сокращена до минимума, а это, пардон, уже моя территория. Чужая волосатая рука в «быке» ловит воздух и попадает ко мне в тиски. Подсечка с падением, удушающий захват; секунда – и дело закончено...

– Обманули, – сказал Искандер, высвобождаясь. В его словах – скрытое восхищение, однако меня такие вещи давно не радуют. Ну, подловил очередного молодого, перепутавшего уверенность с самоуверенностью. Марик вдобавок ещё хлопает в ладоши... О том, что в реальном бою ни подсечек, ни удушающих не было бы, я им рассказывать не стал. На практике я бы локтем вбил Искандеру кадык, как только он открылся, и никакого пижонства.

– Не думал, что так быстро, – сказал Марик.

– Открою вам секрет долгой жизни. Научись убивать противника в первые тридцать секунд драки, иначе погибнешь сам.

– Вы были в спецназе? – спросил Искандер с нескрываемым почтением.

А ведь только пару минут назад одаривал меня снисходительной улыбкой. Вот что значит изумить человека.

– Деревенский я, от грядок. Тренировался на козлах... Ребята, где тут у вас водные процедуры?

– Есть джакузи, – предложил Марик. – Пробовал когда-нибудь?

– Краем уха слышал. Это, кажется, что-то не очень приличное?

– Это просто ванна. Пошли, покажу.

Оказалось – не просто ванна, а бассейн натуральный. Марик, пока вода набиралась, меня кратко проинструктировал: вот, мол, панель, на ней регуляторы температуры и режимов работы, это кнопка включения и тому подобное. Плеснул в воду колпачок пены. Когда сын собрался уйти, я спросил:

– Искандер – он кто?

Марик посмотрел мне в глаза и ответил твёрдо:

– Друг.

– Это сильное слово.

– Так и есть.

– Видишь ли, он подозрительно напоминает мне бывших клиентов, если ты понимаешь, о ком я.

– Не всё так однозначно, как говорят дочери офицеров.

– У меня нет дочерей. Рассказывай, не тяни.

Рассказ недолог. В середине нулевых два молодых мужчи-

ны пошли на Эльбрус в составе обычной коммерческой группы, оба – земляки из Твери. Уже после того, как миновали «Приют одиннадцати», у одного из двоих обнаружился острый живот. Ситуация, конечно, экстренная, однако руководитель группы не хотел возвращаться. Спросил, кто пойдёт с больным вниз. А у всех – у кого разряд в планах, кто первоходка, кому просто насрать. Пошёл земляк-тверичанин. Путь назад – это огромные снежные равнины, ветер, трещины. Начался дождь, постепенно превратившийся в пургу. Первому всё хуже, второй его фактически тащит, – до тех пор, пока сам чуть не провалился и не повредил ногу. Дальше тащили друг друга по очереди, сквозь пургу и глюки. Заблудились, конечно, но в Терскол таки вернулись живыми. Вместо штатных четырёх часов плутали более полутора суток. В результате у одного (Искандера) перитонит, у второго (Марика), слава богу, только сильный ушиб. Отправились на маршрут простыми знакомыми, а домой приехали корешами на всю жизнь...

Бывает.

– Между прочим, он тебя зауважал, – сказал вдруг Марик с какой-то даже ревностью. – Он мало кого уважает. И боец он на самом деле сильный.

– Его уважение, малыш, выросло из безмерного удивления. Он был уверен, что побьёт меня, а вышло наоборот. То есть надо понимать, до того, как я его побил, уважения не было и в помине. Получается, чтоб тебя зауважали, надо сна-

чала придушить или конечность сломать, а лучше сразу в нокаут. Везде у нас так. Я не только про Россию, я про Землю.

– Странный ты с утра, – сказал Марик и ушёл, оставив меня наедине с современным бытом.

Стервец.

Когда я залез в этот их бассейн и запустил моторы, которые гнали воду в форсунки, меня вдруг перевернуло, будто я им сосиска в ковшике на плите. Нахлебался мыла, блин. Вокруг всё кипело и бурлило. На бортике были специальные ручки: кто ж знал, что за них надо было держаться... короче, только когда я перебрался в душ, дело пошло. Здесь нашёлся человеческий душ – какое облегчение!

Ненавижу прогресс...

А эти субчики спокойно себе завтракали. Я вышел, они оба уже чистенькие. Где успели помыться, как? Оказывается, в квартире, кроме дьявольского «джакузи», прятался ещё один санузел, без изысков. Ну и до кучи – два простых сортира.

Под кофе говорили за жизнь.

– Откуда у тебя оперативные навыки, чадо?

– Википедия помогла.

– Что за баба?

– Это высший разум, папа. Если не испугаешься, познакомлю.

– Я мечтаю познакомиться со вчерашней барышней, которую ты вёз в столицу.

– Позже. Папа, нормальным людям возле нас лучше не светиться.

– Согласен, подождём со знакомствами. Не спрашиваю, где ты свою девушку оставил, но подозреваю, у тебя ещё есть квартира?

– Может, и есть.

– Марсель, мне не нравятся твои секреты, – сказал я так, чтоб до него дошло. – Поэтому спрошу прямо, откуда у тебя такие деньги?

– Думаешь, я ограбил твоего Франкенштейна и сбагрил римское золотишко?

Я не поддержал его дурашливый тон, ответил серьёзно:

– Франкенштейна ты не грабил, деньги у тебя появились гораздо раньше. Да и не распродать его коллекцию вот так просто. Экспонаты известные, некоторые – музейной ценности. Начнёшь искать покупателя – спалишься. Ты чего уходишь от простого вопроса?

– Потому что простого ответа нет, папа... Давай зайдём с другого края. Ты правда будешь помогать в розысках грабителей?

– Конечно.

– Зачем?

– Во-первых, бывают предложения, от которых, увы, невозможно отказаться, во-вторых, Франкенштейн был моим другом ещё со школы.

– Таких друзей – за хер и в музей.

– Ты о чём?

– О коллекционерах, о чём! – выдал он, не сдержав презрения. – Музейная ценность у них... Ты же был цельный подполковник, папа! Не понимаешь, что такое коллекционер? Бери любого – он твой клиент, как ты выражаешься.

– Ты чего, Марик? Помню, ты когда-то даже любил дядю Радика...

– «Любил». – Он фыркнул. – Нашёл же слово. Мне тридцать пять, папа, и я знаю, откуда берутся дети... тьфу, оговорился. Откуда берутся деньги. Тебе сделали предложение – ладно. Ты собираешься раскрыть убийство крупного барыги. Ну тогда и не спрашивай у людей, откуда у них деньги.

Я разозлился.

– Может, Радик был барыгой. Может, не был. Скоро я это выясню. А ты... Ребёнку я б сказал так: всё, что я делаю – это ради нас, ради семьи. Но, поскольку ты уверен, что уже взрослый, скажу по-другому – не твоё дело, как и зачем я выполняю свою работу.

– Вот! – обрадовался Марик. – «Не твоё дело!» Как и то, чем я живу. И как мы с друзьями делаем наш маленький бизнес. Вечно ты себя накручиваешь, папа! Успокойся, пожалуйста, ни в какой криминал я не лезу.

Помолчали, остывая.

– Может, тебе начальник службы безопасности нужен? – спросил я.

– Начальник у нас уже есть, но я подумаю, как тебя тру-

доустроить, – ответил он.

Пошутили – хватит. А говорить по душам сегодня больше не удастся. Я встал.

– Собираюсь на кладбище к маме с Максимом. Ты со мной?

И произошла вдруг странная заминка. Марик на мгновение отвёл взгляд и тоже поднялся.

– Я недавно был. Вообще-то я часто к ним хожу... вернее, езжу...

А я был давно, подумал я, очень-очень давно. И всего один раз. Приезжал специально в Москву, искал могилу – по карте, нарисованной для меня Мариком. Паршиво получается... Наверное, он хотел съязвить по своему обыкновению, но передумал, оттого и заминка. Пожалел отца, типа, не тот случай, чтобы язвить...

Искандер за всё время нашего разговора не проронил ни слова, за что я был ему благодарен.

– Пойду собираться, – известил я их. – Жить буду в старой квартире, раз уж она сохранилась.

Сохранилась, кстати, благодаря Марику. Когда меня признали умершим, он вступил в права наследства – на флажке срока. Это с виду простое действие мы продумывали, как шпионскую операцию, сводя к минимуму его личное присутствие. И я всегда был поблизости, невидимый, но грозный. Силовая подстраховка, если что.

– Моя новая квартира не нравится? Гордый?

– Наоборот, не гордый. Побуду живцом. Хочу понять, кто меня вытащил из деревни и зачем. Пусть проявятся. Вдобавок... Ты говоришь, за хатой кто-то приглядывал? Сюрприз обещал?

– Он живёт в доме напротив, через двор, – сказал Марик. – Квартира двадцать девять. Зайди в гости, удивишься.

На этом утро закончилось. Я позвонил Рудакову (разбудил, чему мысленно позлорадствовал), договорился о встрече.

Но сначала – Лена и младший...

Не назвал я Марику главную причину того, почему не стану жить с ним вместе, почему собираюсь быть как можно дальше от него. Птица, симулируя ранение, уводит охотников от своих детёнышей. Так и я... Начну действовать – попаду под огромную, размером с московское небо, лупу. Не знаю пока, кто в эту лупу на меня смотрит, однако нельзя допустить, чтобы рядом со мной стоял единственный сын.

* * *

Их было двое, мальчиков моих... Максим, в отличие от Марселя, рос тихим и домашним, не ввязывался в конфликты, не лез на рожон в бесконечных детских разборках, в которые вечно попадал Марсель. Вот что значит магия имени, шутила Ленка. Шутила-то она шутила, но была, возможно, права...

Я уже не помню, кого из них двоих любил больше, сейчас это не актуально. Экстраверт Марсель был больше похож на маму – авантюризмом и вечной жаждой побед. Максим, наверное, на меня – осмотрительностью, привычкой заранее продумывать любой шаг. Младший был классическим интравертом, как и я: всё в себе, ничего на поверхность. Слава богу, оба были умны и способны к учёбе, хотя бы по этому признаку нам с Ленкой не приходилось их делить. И вообще, настоящих проблем в семье не было, кроме моей работы, естественно.

Про то, что кто-то в семье умрёт, когда буду в командировке, – страшные слова. Ленка и вправду однажды мне такое сказала стгоряча. С тех пор эта рана болит, не заживает и гноится. Причём болеть начала сразу, как мне её нанесли, – ещё когда все были живы. Эх, Ленка, если б знать, что не проходят такие слова без последствий...

Кузьминское кладбище, к которому я подъехал на своей «шестёрке», по московским меркам располагалась от старой квартиры (на Цветном) сравнительно недалеко. И «пробок» таких утром ещё не было, машины только выгребали на асфальтовые реки. Ещё вчера, едучи к Марику, я увидел, что Москва за семнадцать лет сильно изменилась. Но лишь сегодня утром, при солнечном свете, осознал, насколько велики эти изменения.

Осыпавшиеся, жалкие, трухлявые дома в центре превратились в Архитектуру, в яркие конфетки с чётким рисунком,

в картинки из буклета. Пропали машины, припаркованные как попало. Разрытые и брошенные дороги – где вы, ау? Испарились казино, попадавшие на каждом шагу, работавшее даже по утрам, и прихватили с собой бессчётные одёжные рынки с китайским хламом, которые казались неистребимыми. А ещё – при мне вдоль Филёвской линии торчало несколько огромных уродливых конструкций; это то, что сейчас называется СИТИ. А ещё – совсем не видно бомжей, собирающих что-то в пакеты, а ведь раньше их чуть ли не столько же было, сколько прохожих... И убил, наповал убил раскрашенный в разные цвета асфальт! На пешеходных переходах, на площадях, на стоянках, перекрёстках... Европа, товарищи.

Как в другую страну попал. Или нет, на машине времени – в будущее.

Ничего не изменилось на кладбище. Даже не знаю, хорошо это или плохо. Карта от Марика оказалась, разумеется, не нужна, я отлично помнил, где наш участок. Подошёл – и застыл...

Что это?

Как такое возможно?

Впрочем, «что и как» – идиотские вопросы, не оперу ими задаваться. Некие двуногие мрази наведались и сделали. Вопрос другой: КТО?

Даже мертвых не оставляют в покое, суки...

Я достал секретный мобильник, собираясь звонить Мари-

ку. Секретный – это тот, в котором только два номера: самого Марика и его верного Искандера. Выдали мне и публичный телефон, для связи с остальным миром... Трубка завибрировала у меня в руке: сын опередил на секунду – как почувствовал.

– Уже видел? – спросил он тусклым голосом.

– Ты что, знал?

– Не смог тебе утром сказать, язык не повернулся. К твоему приезду исправить не успел, сам обнаружил неделю назад, думал, время есть. А тут всё закрутилось, тебя в твоей деревне как рыбку поймали и подсекли... Извини, папа.

– Тебе-то за что извиняться. Уроды пусть извиняются. Когда я их найду, они так будут извиняться, что прямые кишки из глоток выплюнут...

– Держись там, – сказал Марик и отключился.

Я посмотрел на отброшенный камень с надписью «Елена Марковна Ушакова», на развороченную могилу, присыпанную впопыхах (наверное, стараниями Марика), мельком порадовался тому, что могилу Максима не тронули, и подумал: всё происходящее, конечно, дико и странно, однако где связь между нападением на зарытого невесть когда покойника и пропавшей коллекцией древнего оружия?

Должна быть связь, подумал я. Иначе нет в мироздании ни порядка, ни элементарного здравого смысла.

Игорь Рудаков незаметно подвинул мне ногой пластиковую папку с ручками, похожую на кейс. Под столом, как в кино.

– Возьмите. Обещал – сделал.

Там были копии уголовных дел, из-за которых, собственно, собрались. Давать их мне он, конечно, не имел права.

– Что, никто не в курсе? – заговорщически шепнул я ему на ухо, выразительно оглядывая остальных.

– Да все они в курсе! Но лучше, если кого спросят, чтоб честно отвечал: ничего такого не видел.

Все – это, кроме Рудакова и Миши Брежнева, следовательно из СК Алла Льдова по прозвищу Железная Леди, подчинявшаяся непосредственно Игорю, плюс опера из убойной Оперативно-розыскной части Главка (она же ОРЧ № 1) – Васин и Жемчугов. Плюс Витя Ортис – спец из Управления «К», гроза хакеров и других злых технарей. Жалкие осколки славной команды. Когда-то, в середине девяностых прошлого века, для пресечения деятельности одной из вконец обнаглевших столичных ОПГ, на Петровке была сформирована группа, состоящая из сотрудников разных отделов, не только оперативников. Отдельная и специальная группа с широкими полномочиями – в силу общественной опасности той конкретной банды. Шефом поставили меня, молодого да

раннего (чтоб было с кого спросить, ежели что). Банду мы тогда закрыли быстро и надёжно, показав редкую эффективность, – буквально землю рыли. И вовсе не потому, что все сплошь карьеристы (как я понял, карьеру в итоге никто не сделал, кроме разве что Рудакова). Секрет в том, что генерал подобрал людей по единственному критерию: чтоб люди были чистыми, не замазанными. В Системе такие вещи не скроешь, все про всех знают: кто берёт и от кого, а кто – нет. И попадали в УСБ обычно не те, на кого появлялась доказуха, а лишь те и только те, кто не делился с начальством, – ну, это букварь, основы... Так вот, никто из нас не баловал себя «дополнительным окладом», брезговали. Обычно таких выживали, а тут – собрали в стаю и натравили на волков. Спасибо тебе, генерал, хоть и действовал ты не из идейных соображений, хоть сам не отказывался от «дополнительных окладов»... Короче, после первого успеха решено было продолжить внутриведомственный эксперимент: дали нам в разработку ещё одну ОПГ, потом ещё одну – и пошло-поехало. Конечно, мы дублировали РУБОП (как кричали наши противники), но, с другой стороны, конкуренция на ниве борьбы с оргпреступностью, по замыслу начальства, ничего плохого кроме хорошего принести не могла. Тем более эта структура, я про РУБОП, вскоре скурвилась и задышала на ладан. Так мы и работали, пока не добрались до «банды чемпионов» с Боссом во главе... Но это уже совсем другая сказка.

Увидев своего воскресшего шефа, они меня чуть качать

не бросились, мои опера, так обрадовались.

А я чуть не прослезился, чего уж там. Минут пять, не меньше, мы обменивались возбуждёнными и бессмысленными репликами, не слушая друг друга. Меня всего обхлопали и обмазали помадой (ах, несравненная Аллочка Льдова, что жстряслось с твоей холодной античной красотой?).

Пришло запоздалое понимание, как много я значил для некоторых людей. И опять я ощутил себя предателем. Но ведь я должен, обязан был тогда исчезнуть! Потому и срежиссировал публичный скандал с сыном, потому и утонул якобы по пьянке. Аффект разыгрывать не пришлось, зачем разыгрывать то, что и без того прёт из мозгов?! Но в водочных бутылках была вода, просто вода... Марик меня понял и поддержал; мы с ним разыграли свои спектакли как по нотам. Может, именно тогда он и зауважал меня по-настоящему. А может, уважение появилось через год, в том счастливом сентябре, когда я завершил начатое и поставил точку, когда началась у нас с ним просто жизнь, пусть и в провинции. Ментом я быть перестал, но остался человеком, достойным сыновьего почитания...

Итак, наша компания сидела на скамейках за большим столом с изумительно отполированной деревянной столешницей. Стильное местечко, хоть и называется без изысков – «Чебуречная». Стол – в просторной нише, отделённой от главного зала. И ниш таких несколько, всё у хозяев продумано.

Рудаков мне сначала сказанул: мол, встречаемся на Малом Каретном, где всегда. Ну не дурак ли? Светиться в кафе, где полМУРа обедает... Нужна была обычная забегаловка – подальше от оперских путей-дорог. В такую мы и ткнули пальцем наугад. Но оказалось, в Москве сейчас все забегаловки – не забегаловки вовсе! Нормальные кафешки – чистые, с абсолютно безопасной едой, в любую заходи без опаски – не нарвёшься. А некоторые даже изысканно оформленные – вот как эта.

Пять минут отдали на романтические сопли и ещё три – на объяснения. Я попросил прощения и кратко обрисовал, что произошло семнадцать лет назад. Я сбежал, потому что дошёл до края. Альтернативой была пуля из табельного. Больше не мог. Бежать и бежать, пока тоска не устанет гнаться и не отстанет. Поскольку они видели меня тогдашнего, то поверили, только спросили про сына. Я равнодушно пожал плечами, мол, у каждого своя жизнь. Или не-жизнь, если по правде... Больше ни о чём не спрашивали.

Не знаю, поверил ли Рудаков. Миша Брежнев молча смотрел в сторону, словно его моя история не касалась.

Мини-совещание я начал с оргвопросов, без которых было нельзя.

– Детки, – обратился я к ним (как встарь). – Милые мои пионеры! Я больше не ваш вожатый. Главный у нас с вами вот кто, – показал я на Рудакова, – и это столь же верно, как и то, что Земля вращается вокруг Солнца. («Глаза мне говорят

обратное», – буркнул Миша Брежнев.) Я – вольный консультант, прошу запомнить или записать. Полномочий не имею, зарплату в органах не получаю. Зовут меня Чухов Андрей Васильевич, кличка Чуха. Но с удовольствием откликаюсь на имя Сергей, такой вот курьёз. Если кто-то против этой ситуации, скажите сейчас или не говорите никогда.

– Сергей, над полномочиями мы подумаем, – обронил Миша.

– Бегу впереди паровоза? Хорошо, пока определимся со структурой нашей маленькой подпольной группы. Например, кто ведёт дело Франковского? Ты, Игорь?

– Я, – сказала Льдова.

– Ты ведёшь дело, а твой начальник, – кивнул я на Игоря, – ведёт тебя?

Специально её подколол. Она выпрямила спину и ответила, чётко выговаривая слова:

– Следователь, если вы забыли, процессуально независимое лицо. Пока меня не отстранили, дело Франковского на мне.

Ага! Железная Леди явно не утратила главного – упрямства. Это радует.

– А ты почему здесь? – перегнулся я к Ортису. – Скучно жить, адреналина не хватает?

– Так это ж я работаю по инкассаторской машине, – сообщил мне Витя как о чём-то очевидном. – По линии «К». Пашу, как этот, как его, который на галерах. Заодно дружу со

всеми экспертами в ЭКЦ, и ежели вам припекло, устрою по благу экстренное сравнение образцов. Я – незаменимый, – скромно добавил он.

– Кстати, нападением на инкассаторскую машину занимается Игорёк, – сказала Льдова. – Руководитель следственно-оперативной группы.

– Погодите, детки! Про украденную коллекцию знаю, про убитого Франкенштейна знаю, про инкассаторскую машину слышу в первый раз.

– Интересная история, – заговорил руководитель следствия. – Видите ли, инкассаторской эту машину можно назвать с большой натяжкой...

И правда, интересная. Игорь мне живописал нападение в красках, а я всё ломал, ломал голову, где ж тут связь? Убитый Франкенштейн и его коллекция, изувеченный броневик в центре Москвы, разрытая могила Лены и демонстративная слежка за мной в глухой деревне – что связывает эти вещи?

Касательно броневика события таковы. Тридцать шесть часов назад ехал по ночной Москве инкассаторский «Мерседес-314», обычный с виду, но с пятым классом защиты. За ним – джип с охраной. Ночью – чтобы ехать ходом, избегая пробок и других транспортных задержек. Джип сзади – тоже понятно, довесок от солидной охранной фирмы «Верность», которую наняли сопровождать груз. Вопрос: кто нанял? И ещё более странный вопрос: чей, собственно, броневик? Никакому банку, никакой инкассации (ни частной, ни тем паче

государственной) сия машина не принадлежала. Фирма, владевшая броневичком, оказалась иллюзорной, зарегистрированной на подставную старушку. (Пенсионерка из трущоб, пошутил Ортис. Хорошо – не пионерка, откликнулась Льдова.) Получается, машина сама по себе, ничья. Та же эфемерная фирма и наняла джип сопровождения. Но это всё выяснилось позже. А пока – едет сладкая парочка по Старой Басманной, никого не трогает. На перекрёстке с Бауманской водитель «мерса» профессионально подтормаживает, хоть ему и горит зелёный, выезжает – и... внезапно попадает в затор. Светофоры, что по Бауманской, оказывается, тоже в этот момент переключились на зелёный, то есть всем можно ехать! Одновременно во все стороны! Они и поехали – машины слева и справа. Место там узкое, да ещё трамвайные рельсы. Сзади другие подпёрли, короче, как поехали все разом, так и встали. Ночное движение в Москве, само собой, не сравнить с дневным, однако оно есть, автомобилей на улицах хватает. Броневику и не уехать, и не сдать назад. Тут же выясняется, что связь накрылась, а вернее, блокирована, и мобильная, и по рациям. Перекрёсток – под куполом помех. Бойцы сообразили, что ситуация аховая, но поздно: подлетают четверо на мотоциклах: двое – к броневнику, двое – к джипу. Тем, кто в «мерсе», покинуть машину нельзя ни под каким предлогом, это азы, но как усидишь в этой стальной банке, если тебе на крышу закинули пару горящих термитов? Самодельные, в пластиковых контейнерах из-под «киндер-сюрпризов», по-

крытые жидкой резиной: метнул снаряд, он приклеился. В качестве запала – охотничья спичка. Горят минуты две всего, но горят концентрированно и жар такой, что любую броню прожжёт в два счёта. Что, собственно, и произошло на практике. Два комка огня упали в салон – и ещё дно успели прожечь. Тут не просто двери инкассаторской машины распахнёшь настежь – в панике выскочишь на улицу...

Снаружи их и вырубили. Очень экзотично – из спортивных арбалетов, причём, что характерно, не убили. Вообще, забегая вперёд, ни одного трупа. Ботаники какие-то, а не грабители. Что касается арбалетов, то стрелы были с пиропатронами, выстреливающими облако газа CS; такими не убьёшь, только помучаешь. Подставил грудь, укрытую броником, – получи стрелу, а в морду – смачный плевок «слизняк». Для разгона. И сразу же – резиновой дубинкой. Нокаут.

В джипе тоже случилась паника, но по другому поводу. В него полетели две бутылки с пирогелем, это типа «коктейля Молотова», только жёстче, почти напалм. Ребята с автоматами, которые сидели внутри, все из себя крутые, а оно вона как просто. Когда повыскакивали – их тоже из арбалетов и тоже дубинками, чтоб глупостей не натворили со своим оружием. Огонь хоть и перекинулся на соседние машины, люди разбежались, так что, повторяю, никто всерьёз не пострадал. Бойцы из джипа, впрочем, получили ожоги, но за что-то же им платят деньги?

Теперь по сути. Первое: в броневике, кроме двух простых

охранников и водителя, находился начальник службы безопасности «Ойло-Союза», одной из наших крупных нефтяных компаний. К руке этого человека был пристёгнут кейс. И кейс, и руку ему оставили, однако багаж был вскрыт. Всё содержимое при этом выгорело, сработала система защиты, встроенная в кейс, так что нападавшие, вероятно, не получили, чего хотели. Второе: нефтяная компания не имеет претензий, никаких и ни к кому. Заявлять в полицию не намерены. Уголовное дело СК возбудил по заявлению охранной фирмы да плюс автовладельцы пострадали: несколько машин было испорчено вплоть до уничтожения. На вопрос к «Ойло-Союзу», что в «левой» инкассационной машине делал начальник их службы безопасности, получен ответ: совершая поездку в личных целях, не связанных со служебной деятельностью, тот остановил попутную машину (то есть броневик), и его взяли подвезти. В нарушение, правда, инструкции, но в данном случае претензии к инкассации может предъявлять только заказчик. Охранники из броневика вместе с водителем это нарушение, мол, взяли пассажира, хором подтверждают. Сами они, охранники и водитель, наняты эфемерной фирмой (это где директор – пенсионерка) всего на одну поездку, у них и договор официальный заключён – с печатью и подписями. А вообще-то они работают в той же охранный фирме, которой принадлежал сгоревший джип, причём на хорошем счету. Третье: откуда ехал броневик – неизвестно. В нефтяной компании этого не знают; или

знают, но не говорят, что куда вероятнее. В охранной фирме уверяют, что, согласно договору, броневик они приняли на сопровождение возле своей проходной, а к шлагбауму его доставили другие люди, им неизвестные. На этом же настаивают водитель броневика и горе-инкассаторы: мол, в пустой «мерседес» они впервые влезли именно возле своей службы. Конечной точкой маршрута они (опять же дружно) называют адрес на Маросейке, где нет ничего, что хоть как-то соотносится со службой инкассации.

Понятно, что и первое, и второе, и третье – сплошное враньё, тщательно приготовленное заранее. То есть расследование никому из пострадавших не нужно. Самое же главное – это четвёртое, а именно – груз.

Что перевозил броневик? Пустоту.

Ту самую пустоту, которая была во вскрытом и сгоревшем кейсе.

Не было никакого груза, господа полицейские, вот и весь сказ. Все вопросы – к заказчику (то есть к пенсионерке).

Маршрут отследили по уличным камерам, сколько смогли, но пункт выезда так и не определили. «Мерседес» въехал в Москву со Щёлковского шоссе, вот и всё, что про него известно.

Ну и до кучи – пятое. На Рудакова дико давят, чтобы он... нет, вовсе не развалил или прекратил дело. Наоборот, чтобы раскрыл его как можно скорее! Смех и грех.

От всего этого отчётливо воняло политикой.

– Тебе есть что добавить? – спросил Рудаков Ортиса.

– Экспертизу, по-моему, делали «на отвяжись». Мне передали слушок, шептунчика такого лёгкого, будто на экспертную службу дают как раз с другого бока: чтоб по этому делу не вздумали оказывать реальную помощь следствию.

– Игры, бля, – продемонстрировал Жемчугов свой басок – впервые за встречу.

– От себя могу добавить, – продолжал Ортис. – Броневики все оборудованы мощной системой пожаротушения, поджигать их – бесполезно, стражей таким способом не выкуришь. Вдобавок броня термостойкая. Зато термит – в самую точку. Злодеи знали, что делали, изобретательные, гады. У них там сплошь самоделки, и пиропатроны, и киндер-сюрпризы, и пирогель... прямо Самоделкины какие-то, «Сделай сам»... Пирогель, я думаю, на кухне обычной квартиры сварили... Контроллеры, которые они установили в светофоры – тоже кустарного производства... Делаю вывод: связей с криминалом или с «коммерсантами» из спецур у них нет, иначе бы зачем так возиться? Использовали бы готовые боевые игрушки, которые есть на рынке. Зато квалификация у парней высокая. И следов, за которые можно зацепиться, нет от слова совсем. Это технари экстра-класса.

Технари, мысленно повторил я, вспомнив почему-то о Марике...

Чёрт, откуда у него такие бабки? Почему скрывает?

Ладно...

Главное, я до сих пор не мог понять, зачем Рудакову понадобилась моя помощь.

– И какое отношение это всё имеет к убийству Франкенштейна? – спросил я у него.

– Ты потом сам посмотришь и убедишься, – скосил Игорь глаза на пластиковую папку. – Это кажется бредом, но на компьютере Франковского нашли подробный маршрут «мерса», который позавчера сожгли. Часть маршрута в точности совпадает с тем, что удалось отследить по камерам. Твой Радик, судя по его записям и по фоткам, тоже готовил нападение. Но был убит. Вот такая связь.

Меня даже смех разобрал:

– А при чём здесь его коллекция?

– Тоже неясно. Пропала, только это и знаем, Сергей. Блин, ни хрена не ясно! – Он в сердцах хлопнул ладонями по столешнице, как выстрелил.

– Ты вчера послал кого-нибудь в Тверь?

– Зачем?

– Делать фоторобот охотничков, которым нужна Марина Каганер.

– А, да! – Игорь быстрым движением провёл рукой по лицу, смахивая невидимую паутину. Возможно, так он переключался с чего-то важного на что-то менее важное. – Забыл сказать. Фоторобот уже пробили по базам. Предположительно, это были люди из группировки Рефери.

– Что за группировка? И почему «предположительно»?

– Да мало знаем о них, шеф, – сказал опер Васин. – Считай – ничего.

При слове «шеф» у Рудакова словно зуб за щекой стрельнул.

– Запросить данные в «шестёрке»? – предложил я, имея в виду ОРЧ № 6, специально существующую, чтобы бороться с организованными преступными группировками. Или хотя бы делать вид.

– У вас хватит денег перебить дополнительные оклады, которые заносит туда Рефери? – удивился Васин. Злой он всё-таки. Как и я...

Беседа затухала, встреча явно двигалась к концу. И тогда я поднял тему, с которой, по уму, следовало бы начать.

– Виноват, мужики и дамы, у меня остался личный вопрос. Кто-то раскопал могилу моей жены, зачем-то вскрыли гроб. Кто-нибудь в курсе этого?

Они переглянулись. Похоже, в курсе были все.

– Серёжа, наши туда ездили, – осторожно, на цыпочках, начала Льдова. – Васин опрашивал работяг... (Опер молча покивал.) Юлия Беленькая осмотрела костяк... Юленька – это судебный медик, она, кстати, была заместителем Франковского и теперь, скорее всего, займёт его место... В общем, Юлия предполагает, что это не хулиганство было, а эксгумация, произведённая весьма непрофессионально.

– С какой целью? – спросил я. Получилось излишне резко.

– Вероятнее всего, хотели получить биологический мате-

риал. Юля заметила, что в стопе отсутствует какая-то косточка, название я не помню, вы у неё уточните, у Беленькой...

– Ребята, вы только на меня не обижайтесь, трудно сдерживаться... И вопросам моим не удивляйтесь. Я как в летаргическом сне пробыл семнадцать лет. Я ведь даже не знаю, кто оплатил похороны, кто купил участок на Кузьминском кладбище. Кузьминское – закрытое, правда? Туда так просто не захоронишь...

– Радик Франкенштейн, – сказал мне Рудаков. – Всё – он. Его деньги и знакомства. Фактически это он похоронил Лену.

– А почему в гробу? Кремировать было проще.

– Радик так решил. Кремация, говорит, второе убийство, убийство трупа.

– Да-да, был за ним такой пунктик, – припомнил я.

– Патологоанатомы, что с них взять, они все сумасшедшие, – улыбнулась Льдова с облегчением.

– Вот, значит, кому я обязан, – сказал я. – Даже спасибо не успел ему сказать... и теперь уж не скажу. Радик, Радик... Землю буду носом рыть, но найду этих гнид!!!

На миг в чебуречной стихло. На нас посмотрели с разных сторон. Я примирительно поднял руки...

И опустил. Медленно, со всем возможным спокойствием.

Я сидел напротив окна, всегда стараюсь так садиться. Спиной к окну – затылок чешется, спокойствия нет. И пока-

залось мне вдруг, что в доме напротив – Вошь. Лёня Вошь. Смотрит из окна подъезда – со второго этажа. На наше окно в чебуречной...

Вот и поиграл я вчера в Гамлета! Помогал Шекспиру найти киллера для Фортинбраса, норвежского принца, а сам и предположить не мог, что уже на следующий день... Вот уж совпадение...

Что это – манифестация психотического расстройства? Или всё-таки поганая реальность?

Жарко, створки окна раскрыты и здесь, и там. Он видит нас, я вижу его... Но ведь он на пожизненном! В «Белом лебеде», из которого не выберешься, только если не владеешь телепортацией!

Я сорвался. Не обращая внимания на возгласы товарищей, выбежал из кафе, пересёк улицу, ворвался в подъезд. Взлетел вверх по лестнице – до самого чердака.

Никого...

Чердак закрыт на висячий замок. Деваться Лёне вроде некуда, если только он здесь не живёт... или если не вломился к кому-то. Или если заранее с кем-то не договорился. Правда, в этом случае смотрел бы не из подъезда, а из окна квартиры... Нет, не из квартиры, не стал бы палить хату!

Что это было? Глюки?

Если не глюки, то где-то у Рудакова протекло. Как иначе Вошь мог узнать о месте и времени нашего совещания?

Да просто! Например, из телефонного разговора, напом-

нил я себе. Что ж ты первым делом о предательстве думаешь, старый ты пёс. Времена давно изменились, техника шагнула семимильными, подслушивание в топе и тренде, а стукачи – анахронизм. Забыл, что у некоторых есть возможность слушать и покадрово разглядывать всю твою повседневную жизнь? Забыл, курилка...

Значит, и ты анахронизм.

Внизу в подъезде меня ждал Миша Брежнев. Примчался следом за мной – подстраховать, помочь. Когда переходили улицу в обратном направлении, он тихо сказал мне, почти не двигая губами:

– Надо встретиться один на один. Созваниваться или писать сообщения нельзя. Предлагаю кондитерскую в ста метрах левее. Через полчаса.

Вернулись.

Я не признался, куда и зачем бегал. Пусть думают, бывший шеф на старости лет, мягко выражаясь, стал эксцентричен.

Уже когда расходились, пожимая друг другу руки и желая всего-всего, я спросил у Рудакова напрямик. Тоже тихо и тоже пряча губы от чужих взглядов.

– Зачем тебе моя помощь?

– Ну так она и не нужна. Я не хотел вас привлекать, был против, хотя, чего уж там, обрадовался, что вы действительно живы.

– А кто хотел?

– Опера ваши во главе с Михаилом. А мне, уж извините, и без вас геморроя хватает.

– Спасибо за откровенность, ученик, – хлопнул я его по плечу.

– Папку с делом не забудьте, – сказал он мне.

* * *

В ветровке лежала записка.

Я, когда ринулся ловить призрачную Вошь, оставил куртку в чебуречной – на вешалочке в нише. Когда расходились, просто накинул её себе на плечи. И лишь потом, отделившись от коллег на расстояние, достаточное, чтобы вновь почувствовать себя собой, сунул руки в карманы...

Записка была от Аллы Льдовой.

«Серёжа, буду ждать вас на Петровск бульв на ост-ке против часовой. Разговор про Рад. Иосиф. Важно!!!»

При всех, значит, она говорить тоже не хотела, как и Миша. Развели секреты друг от друга, как плесень... Миша дал мне полчаса, а Льдова, наверное, сразу отправилась на бульвар, коли время встречи не указала. Получается – сначала к ней.

Петровский бульвар, автобусная остановка. «Против часовой» – то есть в сторону Страстного. «Про Рад. Иосиф» – про Радия Иосифовича Франковского. Что-то она, видимо, нарыла на Франкенштейна и хотела поделиться со мной

прежде, чем пустить инфу по рукам товарищей...

Откуда ни возьмись объявился Васин, сияющий, как надраенный самовар. Сказал – иду по одному делу, а тут вы. Пришлось прогуляться с ним квартал другой, изображая беззаботность.

Чем там в начале нулевых закончилась война с «бандой чемпионов», спросил я его, хоть и знал лучше многих – чем. Он ответил мне: в 2001-м Бассурманова с ближним кругом накрошили на куски, и банда разбежалась – без вожака-то. Новый вожак с такой же харизмой не появился. А если б Босса не шлёпнули, между нами говоря, он бы вывернулся. Да, собственно, к тому моменту, когда шлёпнули, он уже вывернулся (потемнел Васин лицом), пятилетняя работа нашей группы шла псу под хвост, дело разваливалось. Кто его шлёпнул, поинтересовался я как бы из профессионального любопытства. Заказчика не нашли, пожал плечами опер, ну а киллер... а что – киллер? Заплатили – исполнил. Хороший спец. Может, его тоже шлёпнули, кто знает? В общем, все умерли, подытожил я.

Во-во.

А что, в самом деле, с 6-й ОРЧ так плохо стало? – удивился я. Очень уж вы, «убойщики», их не любите. Хотя вроде одно дело делаете. Они борются с ОПГ, как умеют... А то, внезапно завёлся Васин, что борьба с ОПГ дико заразная штука! С чем борешься, тем и заражаешься! Только-только организуют новую структурную единицу, заточенную под

оргпреступность, как она сразу ссучивается. Просто микроб какой-то! ОРБ, ГУОП, ГУБОП, теперь – профильные ОРЧ в Главках. И сколько раз уже эти ОРЧ расформировывали, выводили за штат и снова формировали?

По-моему, у вас обычные внутриведомственные тёрки, подначил я его. «Убойщики» – белая кость, кружевные манжеты, белые воротнички. Вы чистыми считаете одних себя. Голубая кровь... Ах, голубая, ощерился Васин...

Он поскуцнел и потерял интерес к разговору. Убрался, неловко извинившись. Я последил ещё, вправду ли он лишил меня своего внимания.

«Свободен, наконец свободен...»

Меня ждала Железная Леди, несколько подувядшая, но ничуть не заржавевшая.

...Вопли я услышал, едва свернул на Никитский с Крапивинского переулка.

Рефлекс сработал раньше сознания: я рванул поперёк бульвара, перепрыгивая через низкие ограды, огибая деревья, пугая гуляющих горожан. Вопила, осев на лавочку и держась ладонями за щёки, упакованная супер-пупер деваха: звуки выплёскивались из неё оглушительными порциями, носились в воздухе, как вороны. А над лежащим на тротуаре телом склонялся парень; похоже, кавалер этой девахи.

– Не трогай ничего! – крикнул я ему, подбегая.

Алла лежала на животе, силясь повернуть голову, и тянулась рукой к спине. Из-под левой лопатки торчала деревян-

ная некрашенная рукоятка в форме яйца... До чего ж знаковый инструмент! Сапожное шило, изготовленное кустарно. Со специальным удлинённым концом из велосипедной спицы, который в портновских делах не очень-то удобен, зато прекрасно работает, если кого-то убиваешь.

– Это ты её? – спросил я парня.

Тот смертельно испугался, замотал головой.

– Тогда кто?

– Он убежал, – истерично сказал парень и показал в сторону детской площадки. Там уже никого не было видно. Убийца скрылся меж домами, долго ли.

– Запомнил его?

– Только со спины видел.

– Он маленького роста?

– Да...

Аллочка стояла, ждала меня. Он подошёл сзади, низкорослый невзрачный человечек, уже немолодой, почти моего возраста. Скорее всего, на голове бейсболка. Была бы сейчас осень – был бы в кепке. Коротким сильным ударом вогнал шило женщине в спину и пошёл бы преспокойно дальше, если б девчонка не закричала. Тогда он дал дёру, уверенный, что догонять никто не станет. А безмерно удивлённая жертва, раскинув руки, упала вперёд...

– Дай, – скомандовал я, выхватывая у парня мобильник.

Позвонил в «скорую». Сообщил, что тяжело ранен офицер из Следственного комитета (чтоб дули сквозняком, без

раскачки), назвал адрес. А сам думал: «Не ранена. Убита. Полная безнадёга».

То, что оружие оставлено в ране, может, и даёт ей призрачный шанс, но, скорее всего, позволит выгадать лишь пару дополнительных минут жизни.

– Аллочка, уже едут! – бодро воскликнул я, присев возле неё на корточки. – Летят!

Вывернув голову, она что-то сказала. Я ничего не понял. Кисти рук её хаотически двигались. На губах пенилась кровь. Если кровавая пена изо рта, значит, пробит правый желудочек, так мне объяснял когда-то Франкенштейн, когда тоже был живой. Пробили бы левый – кровь пошла бы в перикард, приводя к стремительной тампонаде. И в том, и в другом случае шансов ноль... Я нагнул голову к самому её рту:

– Повтори, пожалуйста.

– Дело «Пьеро»... – выдала она. – У него новый дом...
Надо найти... Дом где-то на фотках...

Представляю, как ей было больно. Вернее, совершенно не представляю. Каким полушарием мне это представить? Просто знаю, рассказывали – те, кого судьба пощадила. Боль за-предельная.

А смерть страшная...

Чрезвычайным усилием Льдова обуздала беспорядочные движения рук, схватилась за кулон, висевший у неё на шее, и прохрипела, захлебываясь:

– Флэшка... Возьми...

Я расцепил замочек на её шее. Она разжала кулак, и украшение оказалось у меня. Не рассматривая этот трофей (потом, потом), я сунул его в карман.

Дальше тянуть было нельзя: после «скорой» принято звонить в милицию... тьфу, в полицию. Но кому конкретно? Краткий миг раздумий...

Я встал, нашёл номер в своём мобильнике и сказал, тщательно прикрыв рот рукой:

– Миша, Льдову убили. Стою возле тела. Тебе звоню первому.

– Адрес? – каркнул он. Я назвал.

– Как?

– Шило в сердце. Исполнитель – Вошь. Алла пока ещё жива, но... это вопрос минут.

– Не может быть, Вошь закрыт!

– Значит, открыли. Кого-то же я видел возле чебуречной?

Лёня Вошь. В данном случае – не то чтобы его почерк, явного почерка у него не было. Убивал любыми способами и каким угодно оружием по желанию хозяина и заказчика. Но вот именно сапожное шило, вдобавок, которое самолично сделал – его конкретный пунктик. В убийстве шилом находил он особый смак. Наверное, что-то родом из детства; впрочем, я не кормил его мозговых тараканов, когда брал и закрывал на пожизненное. Но если Воши давали выбор, он не раз пользовался любимым инструментом.

Мой прокол. Я-то уверил себя, что если этот коротышка не глюк, если и вправду на воле, то явился по мою грешную душу. Оказалось – нет. Его целью была Аллочка. Не его, конечно, а неведомого хозяина. Лёня, хоть и не отказывался от заказов, обожал называть себя ассасином, таким идейным головорезом. Он и считал себя им, личным убийцей Горного старца, а «старцем» для него раньше был Босс. Давно в земле его Босс (или куда там толстяка закопали). Спрашивается, по чьему приказу этот «ассасин» недоделанный отнимает жизни теперь?

– Аргументы могу изложить, но про Вошь я уверен, – сказал я Мише.

– Уходите, – велел он. – Вы там лишний. Отдохните, *пейте кофе с пирожным*, – сказал опер со значением.

Я заставил себя посмотреть на поверженную женщину. Алла была ещё жива, подавала какие-то знаки. Я снова склонился к ней.

– Жаль, – произнесла она отчётливо. – Мечтала заменить тебе Лену... Была уверена, сумею... А ты вдруг исчез... Как глупо... Прости...

– Молчи, Аллочка, береги силы. Всё у нас ещё будет... Куда?! – рявкнул я на молодого человека, который намылился уйти. – Стой! Документы есть?

Он вынул паспорт, трясущийся вместе с рукой. Я вслух прочитал его данные.

– Вот мы и знакомы. Если что, найду в шесть секунд.

– Мы тут ни при чём, – захныкал он. – Пожалуйста...

– Ты важный свидетель. Дождёшься «скорую» и милицию. Следователю расскажешь про нападавшего. Все подробности, какие запомнил. И подругу свою, когда успокоится, заставь вспомнить.

– А про вас?

– А что – про меня? Я просто мимо шёл. Если ты здесь видел или слышал что-нибудь остренькое – тебе показалось.

Я умею пугать, специально не учился, но умею, когда надо. Даже не знаю, чем. Говорят, становлюсь потусторонним, чужим, как инопланетянин, что-то нечеловеческое появляется в голосе и в глазах... не знаю, говорят.

Вот и парень весь вибрировал, провожая меня взглядом.

Я покинул место преступления, следуя то ли совету, то ли инструкции Миши Брежнева. Команда была – попить кофе с пирожными. В назначенной им кондитерской...

...Узнал позже. Когда приехали врачи, Алла всё ещё цеплялась за жизнь, а умерла в реанимобиле. «Всё бы у нас было...» Чушь. Мир праху, девочка.

Пока шёл на встречу с Михаилом, рассмотрел её кулон. Да, с виду украшение, но при этом явно какое-то приспособление. Я флэшек до сих пор ни одной не видел, только слово это слышал, но почему бы им не быть такими? Наверное, всякие бывают флэшки...

И совсем позже (когда наше с Мишей randevу уже закончилось), выяснилось, что практически в то же время, когда

умирала Льдова, здание Следственного комитета постигло невиданное ЧП. В кабинете следователя Льдовой случился пожар, сгорели все бумаги и компьютерные диски, включая содержимое сейфа, который вскрыли. Кто совершил дерзкий поджог, по горячим следам (горячим – буквально) не нашли, кто в обеденный перерыв открывал её кабинет, не зафиксировано. В коридорах СК, увы, нет телекамер, в отличие, скажем, от Лубянки, где каждый сантиметр общественного пространства контролируется.

А ещё – ровно в то же время, – сожгли квартиру Льдовой. Хорошо, жила она одна. Пожар был несложный, потушили быстро, соседи пострадали мало. Таким образом, документы по делу Франкенштейна остались только в копии, которую сделал для меня Рудаков. Он чуть с ума не сошёл, когда всё это грянуло – убийство следака, поджоги... Просил и требовал, чтобы я никому не говорил про копию, мол, пусть ОНИ считают, что цели добились. Кто ОНИ? Не знаем. ОНИ.

Похоже, Игорёк не врубился, что проблема не в сожжённых протоколах и справках, и причина атаки – не в материалах дела Франковского. Причина в человеке. Алла что-то сопоставила, на что-то наткнулась, но в явном виде ответа нет, ответ сокрыт в *разных* делах. А подозрения умерли вместе со следователем. Жаль, не успела она поделиться этими своими подозрениями, ждала встречи тет-а-тет. Сказал бы ей «дура», да слёзы в горле мешают... Группа твоя, Игорёк, отравлена недоверием, в этом проблема, и виноват – ты.

Чтобы пройти путь Льдовой, придётся копать.

Значит, будем копать. Подсказки она дать успела. Дело «Пьеро» – важная подсказка.

...Случилась, кстати, ровно в это же время ещё одна акция, хоть и не такая эффектная. Всё было у сволочей продумано, всё по плану. Когда в других местах гибло и горело, кто-то пробрался в Бюро судмедэкспертизы, в опечатанный кабинет Радика Франкенштейна, и унёс жёсткий диск с компьютера. Таким образом, рабочую информацию бывшего начальника морга тихо и аккуратно помножили на ноль.

Информацию убрали со всех возможных носителей, будь то электронная память, бумага или человеческий мозг. Никакой разницы для уборщиков не было.

Суки.

* * *

– Может, на «ты»? – предложил я Мише. – Понимаю, уважение, то-сё, я как бы старше... Но так проще.

– Я и сам думал сократить дистанцию, но стеснялся, – скокетничал он.

Опер стеснялся... Да опер ли ты после этого? Врёт, конечно. Не стеснялся, а просто ему совершенно пофиг, как нам друг к другу обращаться. Мне, собственно, тоже.

Разговор был в кондитерской за стоячим столиком. Оказывается, такие ещё сохранились. Я спросил Мишу, поче-

му он не лезет из кожи вон в поисках убийцы Льдовой, а точит лясы с подозрительным типом, у которого даже паспорт липовый. Он ответил, что на Никитский бульвар сейчас и без него сбежалось полМУРа и четверть Следственного комитета, а «подозрительный тип», возможно, тот единственный человек, с которым имеет смысл говорить о деле. При этом Миша очень ненавязчиво взял мой новый паспорт (я и сам не понял, почему отдал ему ксиву) и с восторгом полистал, приговаривая: «Супер... супер... не знал бы, что фальшак, не раскусил бы...». Вернул мне документ со словами, мол, а давай оформим гражданина Чухова как позывной для секретного сотрудника, настоящая фамилия которого – Есенин. Это шутка, осведомился я. Может, шутка, ответил он. Может, и нет, надо обмозговать. Прежняя-то личность, Сергей Дмитриевич Есенин, абсолютно подлинная, созданная мастерски и существовавшая два с половиной десятилетия. Почему бы ему не быть агентом? Учитывая, что Ушаков формально мёртв, этот путь попроще... Я чуть не сорвался. Путь он ищет, даосист... Однако, глядя оперу в глаза, понял, – не издевался он, а всего лишь пытался решить мою проблему. И тогда я сказал ему: тебе виднее, где бред, а где дао. Мне требуется лично осмотреть и пощупать всё, связанное с последними событиями, лично обойти кучу мест, и чтоб никто нигде не останавливал. Нужно побеседовать с людьми, причём, чтобы со мной разговаривали, а не посылали в известном направлении... Сейчас это называется «пе-

шее эротическое путешествие», поведал мне Миша и подытожил: о том и речь! Обещали – решим вопрос...

– Вернёмся к реальности, – сказал я. – Лёня Вошь на воле?

– Это ведь ты его закрыл в девяносто девятом? И вдруг такие вопросы.

– Не гони беса, майор. Я, конечно, идиот, но не дурак. Что там у вас за грязь?

Опер скривился.

– Ладно... Мутная история. Три года назад за Лёню вписались крупные адвокаты – те, что из золотой своры. Якобы открылись новые обстоятельства. Два года назад была назначена новая психиатрическая экспертиза, которая, в противовес старой, признала Лёню невменяемым. В результате его перевели в психушку, в Сычёвку, где он уж полтора года под интенсивкой. Он там овощ, Сергей. Я сразу отзвонился шефу, попросил проверить твои глюки. Из больницы доложили, что Леонид Вошь болен и его усиленно лечат.

– Отправь кого-нибудь в Смоленск, пусть лично убедятся. Надо своими глазами увидеть, Миша.

– Не дай бог, ты прав...

– И хорошо бы последить за тем подъездом, где я его видел. Не испарился же он! Возможно, там есть нычка. Значит – объявится.

– Согласен. И в Смоленск людей отправлю, и в подъезде глаза подвесим, раз уж такие подозрения. Но если ты прав, мы знаем, кому этот отморозок понадобился на воле.

– И?

– Рефери.

– Тому самому, с чьей подачи за мной вчера следили?

– Тому самому.

– Так, – сказал я, потягиваясь. – Чувствую, мы подошли к главному.

– Подошли. Спрашивай, отвечу, на что смогу.

– Почему ты добиваешься, чтобы я копался в этом дерьме? Ты вообще зачем меня выдернул из деревни, Миша? И не надо снова про то, что, типа, Радик был мне другом.

– Есть основания подозревать, что левые инкассаторы, на которых кто-то напал, были связаны с Рефери. Вероятнее всего, это его броневик сожгли, он и есть настоящий перевозчик.

– Какие основания?

– Рудаков об этом ещё не знает, имей в виду. Информация добыта оперативными методами...

– Которые Игорю бы не понравились, понимаю.

Я – не он.

Михаил коротко засмеялся.

– Ты свой... Фишка в том, что водитель броневика и те два охранника, которые ехали внутри, скрылись. Упустили мы их. А все данные на них липовые: имена, адреса. Хотя в охранной конторе «Верность» они формально числились. Вопрос: кто такие, от кого? Пришлось надавить на эту сраную «Верность», и один хрен оттудова раскололся.

– Под пыткой?

– Ну так, символически, все живы... Короче! Схема такая: Рефери платит руководству – фирма исполняет, то есть легально прикрывает перевозку, ни о чём не спрашивая и по-малкивая. При этом никаких личных встреч с нанимателем. Живьём они видели только этих самых лжеохранников и водилу. Ночные рейсы вроде позавчерашнего случались у них регулярно, не реже раза в месяц. Причём никогда так, чтоб единично: либо две ночи подряд катается броневик, либо даже три ночи подряд. Потом – пауза. Маршруты каждый раз разные, но что под их брендом возят, откуда и куда, в фирме и вправду не знают, факт.

– Какие-нибудь мероприятия с ними планируешь?

– Да брось! Кому они теперь нужны, спалившись? Исползованный гондон. Рефери, если не дурак, к «Верности» на пушечный выстрел не подойдёт.

– Что с мужиком, который вёз кейс? Он-то уж точно всё знает. И, кстати, сам кейс где?

– «Ойло-Союз», Сергей, это очень серьёзно. Это такой уровень, что... А мужик, напомню тебе, начальник ихней безопасности, к нему пока нет доступа. Понять бы, что ИХ связывает с Рефери – это да. А также – что всё-таки везли в броневике. Такие акулы, как Ойло, по мелочи не жрут. Ну а вскрытый кейс забрали в тот же день. Ортис успел поковыряться с ним немного, выяснил кое-что любопытное. Там не просто кейс, а спецустройство – жутко наворочанное... Ты

поговори с Витей сам, а то, боюсь, перепутаю осциллятор с дефлоратором.

– Главное, не перепутать прокурора с прокуратором. Меня терзает вопрос, что я ему сделал, этому вашему Рефери? Лично я? Зачем он пытался приделать мне «ноги»?

– Потому тебя и выдернули, как ты выразился. Так легло, что у вас обоих личный интерес друг к другу, и у тебя, и у этого мафиози. Видишь ли... Рефери – кто-то из банды Басурманова. Из оставшихся в живых, но с новым погонялом.

– Опа... Ошибки нет?

– Подтверждения пока только косвенные. Известно, например, что это он в своё время обеспечил похороны и самого Босса, и всех погибших корешей Босса. Чуть ли не сектор выкупил, кстати, на Кузьминском кладбище, такое совпадение. С тех пор на всех бандюковских могилах – свежие цветы, а местные могильщики получают от Рефери бабки, чтобы там всё было чисто и прибрано... В общем, нужна полная уверенность. Редкостно осторожный и хитрый тип. Фотографий его нет, никто в лицо его не видел, об особых приметах и не мечтаем. Опять же по косвенным данным, Рефери – худошавый мужчина лет пятидесяти или чуть старше. Один тип, которого мы взяли прямо на горячем, проговорился, что есть у Рефери такая занятная особенность: вместо «до свидания» он всегда говорит «живите». Шутка чёрного юмора. Этот тип, который проговорился, кстати, повесился в тюрьме. Думаю, с чьей-то помощью. Что касается Рефери...

Может, он ходит среди нас и посмеивается? Может, я каждый день встречаю эту тварь в МУРе? Жить не могу с такими мыслями... Сергей, поймите! Кто лучше вас знал «банду чемпионов»? Нет на Земле лучшего спеца! Вы ж их всех и каждого не то что в лицо – по запаху учуете, по голосу, по походке...

Майор даже сбился на «вы» от чувства ответственности. И наконец-то стало понятно, почему Миша Брежнев со своей командой привлекли меня к делу. А то я всё голову ломал. Осталось понять, почему Рудаков был против. Спросить у майора? Хотя знаю, что он скажет: потому что Игорь, извиняюсь, дурак, соперника почуял, не умеет конкурировать... А мне кажется, в случае с Рудаковым что-то другое, не настолько примитивное. Никогда не был Игорь дураком, и вряд ли стал им в начальниках, хотя, конечно, кресло сильно натирает мозг.

Вспомнил я про Рудакова и подумал: а ведь правда, что-то с моим «учеником» не так. И минувшие семнадцать лет тут ни при чём. Слишком он напряжён. Придётся и с этим разбираться, но потом, потом, позже...

Миша давно поглядывал на часы. Однако оставалась ещё одна непонятка.

– Ты давеча упоминал про своего шефа. Кто он? – спросил я его. И, пока он не ответил, уточнил: – Я про настоящего.

– В смысле? – осторожно произнёс он.

– В смысле, что вряд ли этот человек – твой куратор. Ду-

маю, именно шеф. Тридцатого отдела в МУРе, конечно, нет. Как и Тридцать первого. Мне тут Васин объяснил: это шутка юмора у вас, горькая шутка. Народ вписывает в Тридцатый всех совместителей от всех «соседей».

А у Петровки ой как много «соседей». Вот я и спрашиваю, откуда ты, Миша? Из Конторы, следишь за порядком среди «убойщиков»?

– Фу, как пошло. «Из Конторы». Скажите уж прямо... скажи – ты из ФСБ, дружок. Твой Рудаков, кстати, так про меня и думает. Нет у вас с ним чувства вкуса.

– А у вас, товарищ мильцанер, нет чувства меры. Сколько можно вола передо мной крутить?

– Я совсем из другой «конторы», Сергей. Мы сейчас закруглимся с разговором, а где и кому я служу, тебе мой шеф объяснит при встрече, если посчитает нужным.

– При встрече?

– Начальство желает тебя лицезреть, подполковник. Сегодня же. Встречаетесь в девятнадцать тридцать в Александровском саду у памятника Александру Первому.

– Вот, значит, зачем наше с тобой свидание в кондитерской... Но в Александровском нет никакого памятника!

– Сейчас есть, легко найдешь. К тебе подойдет.

– Под стенами Кремля – о как романтично... Слушайте, господа из красного кирпича, если у нас с вами зреет любовь, снимите с меня наблюдение. Вчера бандиты за мной ездили, сегодня, судя по этому приглашению – вы. Достали, ей-богу.

Миша натурально удивился:

– Какое наблюдение?

– До кладбища я был свободен, как птица, но на кладбище меня приняли и повели. Могу назвать номера «резины» и приметы «нечётников». А хочешь, сфоткаю их и в газете опубликую?

Миша покраснел. Хороший знак, сохранилось в человеке хоть что-то здоровое.

– Я был против, – быстро сказал он. – Чистая перестраховка.

– Так мы пришли к согласию?

– Отзовём, – заверил меня опер и достал мобильник. – Прямо сейчас.

Пока он распоряжался, у меня по случаю родился экспромт:

– Плохо жить врунишке, офицеру Мишке, бьёт его по рожу пенсионер Серёжа...

...Про заколотую Аллу Льдову мы, словно договорившись, не вспоминали. И тем более не *поминали* её. Не в кондитерской же, разливая принесённую с собой водку по кофейным чашечкам. Не под разговоры об убийцах, запросто разгуливающих по Москве.

Последние её слова, в которых она чуть приоткрыла свои чувства в отношении меня, очень больно ранили. Потому что мне нечем было ей ответить, и она умерла, зная это.

Центральное Бюро судмедэкспертиз, Торный проезд, массивный угловой дом, протяжённый по обеим координатам. Сбоку – шлагбаум, внутри территории – комплекс зданий пожиже. То самое место, где я когда-то попрощался с Леной и Максимом. Но это было в прошлой жизни, так что – отставить нюни! Рабочим шагом пройти сквозь проходную Морфологического корпуса...

Прикрывал меня своей ксивой Витя Ортис, мы явились сюда вдвоём. Плюс Миша Брежнев организовал официальный звонок, чтобы профессора Чухова А. В. (меня), как важного консультанта, приняли без заусениц. Так-то, вообще, заведение это режимное. Оттого и странна та лёгкость, с которой вор проник в морг, никем не остановленный, вскрыл кабинет Франкенштейна и почистил его компьютер.

Моргов, то бишь отделений танатологии, здесь было много, и все они ютились в этом большом здании, именуемом «строение Б». Входя, я задержался на проходной. Спросил у пожилого цирика, пропускал ли он сегодня кого-нибудь, кого видел впервые.

– Меня уже опрашивали, – ответил он со сдержанным достоинством. – Многие ходят, всех не запомнишь. А документ я всегда требую и чин по чину записываю.

– Журнал разрешите поглядеть?

– Журнал изъяли, товарищ... э-э...

– Подполковник, – подсказал Ортис.

Служивый кивнул мне:

– А поглядеть – токмо с разрешения начкара.

Когда отошли, Витя шепнул:

– Здесь же камеры висят, чего на дедулю наседать?

– Мне плевать, что он расскажет, – объяснил я. – Надо было посмотреть, честный он по жизни или врёт. Я посмотрел. Дедуля чистый, Витя.

– Эх, хотел бы я, как вы, иметь такой рентген... – прибормотал мой напарник с завистью.

Покойный Франкенштейн возглавлял Отдел судебно-медицинского исследования трупов, под его руководящей десницей находились все отделения танатологии в этом здании. Соответственно, и кабинет имел подобающий, согласно статуса. Был кабинет душен (окна закрыты), не убран, с явными следами шмона; мёртвое было помещение, если можно так выразиться. Он пустовал, преемник сюда ещё не вселился.

Мы вошли в сопровождении врача Юлии Беленькой, заведующей танатологическим отделением №... а впрочем, это неважно, другое важно: она, как сказали, и должна была стать преемником убитого завотдела, типа, решение по ней принято.

А ещё, по словам Льдовой, именно этот судмедэксперт осматривал вскрытую могилу моей Леночки и сделал вывод о взятии биоматериала...

– Пока осмотримся, – сказал я Беленькой с нажимом.

– Не буду вам мешать, товарищи офицеры, – ответила она с лёгкой иронией и удалилась, показав изящную спину.

Пока Витя осматривал комп, я прошёлся по комнате, выдвигая ящики, раскрывая дверцы. Заглянул под шкаф, за мягкое кресло для посетителей, под подоконник. Вынул из кармана стальную линейку 15 мм (всегда имею в своей разгрузке) и прошёлся по щелям между плинтусами и полом. Понятно, что место было осмотрено сразу после убийства Радика, но... В результате единственную и важную находку обнаружил на его рабочем столе. Вещица лежала, вернее стояла в открытую, искать не надо.

Фотография внучки Марины в рамке.

Я вынул карточку, перевернул. Сзади было начертано:

«Твоя, всегда твоя, лично и персонально твоя внучка (зачёркнуто) птичка в клетке, которая, вот сюрприз, научилась летать».

Очень трогательно. Типа на память любимому деду. Однако та же размашистая рука написала – уже на другом фото и, вероятно, несколько позже, – *«Я тебе этого никогда не прощу»*. Копия второго фото и подписи к ней лежала в папке, переданной мне Рудаковым. Интересная эволюция отношений внучки и деда... Что же между ними произошло, между родными людьми?

Впрочем, об этом есть у кого спросить – и мы обязательно спросим.

Пока рыскал по кабинету, явились непрошенные воспоминания...

«Радием» моего друга-бедолагу называли чокнутые родители, занимавшиеся физикой каких-то материй и служившие в большом закрытом ящике. А прозвище Франкенштейн прилипло к нему со школы, и вовсе не только из-за фамилии Франковский. Слишком рано пристрастился он резать мёртвых животных. Кошек или собак не убивал, Боже упаси! Вообще никого и ничего не убивал, только трупики вскрывал (о! стихи получились!). Чаще – разных земноводных, и под присмотром биологички – в кабинете биологии. До самого выпуска был её любимцем, училка даже всплакнула по нему на выпускном.

Таким повёрнутым детишкам – прямая дорога в профессиональные трупорезы, это точно.

Двигаясь по шкале времени, перенесёмся в те года, когда у них с женой появилась дочь Викторина. Да, такое имя. В быту – Вика. Женился он рано, раньше, чем мы с Ленкой, и столь же рано потерял жену. Онкология, бич эпохи. Стал Радик отцом-одиночкой; Ленка, помню, его жалела, помогала по мере сил с ребёнком... Марик был на год младше Вики, что не мешало их дружбе, равноправной во всех отношениях. Марсель и Викторина... Нежных чувств между ними я не замечал, да их и не было, они больше дрались (осваивали самбо под моим руководством), вечно что-то делили, азартно спорили насчёт всего на свете, от мультиков до ваучерной

приватизации, и снова дрались, но уже спина к спине – против шпаны, шлявшейся по вечерним бульварам. Наши дети были, как брат и сестра, как боевые товарищи... собственно, без всяких «как». Пока жизнь нас не раскидала.

Что с Викой нынче? Сложилась ли у дочери Франкенштейна жизнь, вообще, жива ли она, здорова? Замужем, надо полагать, раз уж её собственную дочку (и внучку Радика) кличут Мариной Каганер...

«Дочь Франкенштейна». Ну прям фильм ужасов.

Наверняка её опрашивали в связи с убийством отца, в деле должны быть эти материалы. Руки всё не доходят хотя бы полистать рудаковскую папку. Но про подписанные фотки и про отношения внучки с дедом я спрошу у неё самолично, и неважно, есть ли протоколы, нет ли их...

– Шеф, – позвал меня Витя Ортис. – Не знаю, на что вы рассчитывали, когда меня звали, но без винчестера это не комп. Других ППЗУ в нём нет. Я-то надеялся, вдруг Франкенштейн, мало ли, продвинутый был, запрятал где-нибудь в корпусе SSD-диск... ну, там, подвесил на шлейфы и засунул, например, под материнскую плату, или поместил в коробку CD-ROM, ведь сейчас «сидишки» практически не используются...

– Витя, ты успокойся. – Я подсел к нему, подвинув стул к столу. – На что я рассчитывал, сейчас объясню. Ты принёс свой лаптоп?

Мой вопрос сильно его рассмешил. Во-первых, «лап-

топ» – слишком древнее слово, чтобы в России его хоть кто-нибудь помнил. Сейчас говорят «ноутбук» – и только так. Во-вторых, доставая из рюкзака ноутбук, он выразился в том духе, что без «писюка» даже в туалет не ходит. Ортис был женат, о чём я знал, но решил не уточнять, чем ещё он не занимается без своего «писюка». Во всяком случае, ребёнка завести сумел, и то ладно... Чуть раньше, расставшись с Мишей, я позвонил Вите Ортису и попросил составить компанию – под предлогом осмотра рабочего компьютера Франковского. Он согласился, как говорят менты, «без вопросов», что было не до конца понятно, и, уже когда он подхватил меня у метро, я уточнил, мол, у тебя в Управлении «К» своей работы нет, что ли? Каком боком тебя вообще прибило к этой компании, возглавляемой то ли Игорем Рудаковым, то ли Мишей Брежневым? Ортис ответил честно: «Начальство отдало меня за долги. За их, начальские долги. Мной попользуются и вернут». «Крепостничество», – констатировал я. «Как есть феодализм, ваш-бродь», – смиренно согласился он... А насчёт осмотра компьютера я сразу понял – пустышка. Что Витя сейчас и подтвердил.

Просто мне нужен был он сам, капитан Ортис. Мальчик-технофил, которого я помнил, вырос в зрелого мужчину. Но главное, я мог ему доверять, мой «рентген» (как он выразился) в нём не сомневался. Это вам не помутневший Рудаков и не келейный Миша Брежнев.

– Вот, смотри, – я показал кулон, снятый с шеи Льдовой.

Ортыс покрутил изделие в руках и что-то сделал, выщёлкивая плоскую металлическую фитюльку.

– Что это?

– Штекер мини-ю-эс-би... Карта памяти под паролем? Вы хотите, чтобы я её вскрыл?

– Витя, ты, если хочешь, презирай меня, я не обижусь. Я совсем дремучий, понимаешь? Из лесу выполз. Я ничего не знаю про эти ваши карты, куда их втыкать и как их смотреть. Зато помню, с какой стороны к коню подходить. – Осторожно тронул пальцем его любимый ноутбук. – Помню дискеты, помню си-ди. Конец списка. А посмотреть позарез нужно. Может, оно и под паролем, этого я тоже не знаю. Но, скорее всего, нет никакого пароля. Выручишь?

– Без вопросов, – пожал он плечами, раскрыл свою игрушку и принялся колдовать, приговаривая. – Флэшки – как дискеты, никакой разницы, только помещается больше. Сергей Михайлович, какое презрение? Я вас как отца уважаю, да и не я один. Уж вам-то, ей-богу, не стыдно быть «чайником». Вот если б какой-нибудь сорокалетний гусь, пусть даже с виду солидный, в галстучке, совсем не шарил в компьютерах, я б ему в глаза сказал – ты дебил, гусь. А вам, Сергей Михайлович, вам – можно... Флэшка открылась, – объявил он. – Ноу проблем.

Сдвинул кресло вбок, чтоб мне было удобнее смотреть.

– Скопируем на всякий случай? – спросил Витя. – Или нельзя?

– На всякий случай – давай.

– О'кей, копирую.

Некоторое время наблюдали за ползущей на экране поло-
сочкой. Я испытывал странные чувства. Сначала я подумы-
вал обратиться с такой просьбой к сыну, однако не рискнул
вовлечь его в опасные игры. А теперь понял, что не обра-
тился совсем по другой причине: позориться не хотел... До
сорока лет, значит, дебил. А после? Не уверен, не уверен...
Потом на экране раскрылись документы, которых я так жаж-
дал, Витя с удовлетворением произнёс «Кушать подано», а
я, наблюдая за его естественными и простыми движениями,
всё думал: учиться надо, старая ты псина, или учись, или
уползай обратно в лес, но как же не хотелось, как же страшно
было представлять себя с «мышкой» в руке...

На Аллочкиной флэшке оказались только фотографии,
никакого текста. Вернее, текст был, но в виде огромного чис-
ла фотокопий.

– Здесь две папки, – сказал мне Ортис. – «Дело Пьеро», –
прочитал он. – Это что, про того самого Пьеро?

– Это из Буратино, – буркнул я. Настроение почему-то
было испорченным.

Витя открыл папку. Фотографий внутри оказалось море:
Льдова, похоже, пересняла всё старое уголовное дело без
изъятий, а это – куча бумаг. Ага! Я-то опасался, что придётся
каким-то образом добывать кондуит из архива, кого-то про-
сить, сочиняя убедительное враньё, потому что самому мне

хода туда нет... пока нет. Аллочка всё сделала за меня.

«Дело Пьеро» – подсказала она, потратив один из последних своих выдохов. А перед тем – засветилась в архиве. Не в этом ли причина, что её убрали?

– Вторая папка называется «Дома на проверку», – говорил Ортис. – Я укрупню. Хорошо видно?

Видно было хорошо: дачные дома и домики во всевозможных ракурсах, в разное время года и, очевидно, в совершенно разных местах. Но рассматривать всё это сейчас не имело смысла, тем более изучать отснятые текстовые материалы. С этим работать надо было – долго, плотно, в спокойной обстановке. Не в чужом кабинете, куда мы забрели фактически ради прикрытия.

Зачем прикрытия?

Не уверен я, что слежка снята. «Семёрка» умеет работать, особенно «конторская». Что бы майор Брежнев мне ни вкручивал, допускаю, этот вопрос решится только по результатам разговора с Мишиным «начальником» (или что там за хрен передо мной объявится). Но это – так, мысли вбок...

– Витя, ты гений. Боюсь тебе говорить, что все эти сокровища, – показал я на экран, – нужно распечатать. Позарез, иначе никакого толку. И быстро, в идеале прямо сейчас. Напоминаю, перед тобой поросший мохом пень, умеющий работать только с бумагой.

– Понимаю, – согласился он. – Всю флэшку распечатать?
– Желательно.

– Объём большой. Так. Что характерно – в цвете... и *хде* взять принтер?..

Взор его затуманился. В тумане этом запрыгали цифирки. Человек напряжённо думал, загрузив компьютер в голову.

В дверь постучали – и сразу вошли.

Автоматическим движением Ортис захлопнул ноутбук, выдернул кулон из разъёма и отдал мне, – руки его сделали это сами, без участия разума. Он даже смутился немного, потому что вошедшей была Юлия Беленькая.

– Рефлексы, – неловко объяснил он ей.

– Работа, – возразила она. – Иной преступник за файл на экране следователя полжизни отдаст. От своих, конечно, секретов нету, но это привычка, многолетняя привычка – ни одного файла постороннему глазу... – Она процитировала культовый фильм столь внезапно, блестяще подражая брутальному Высоцкому, что мы с Витей не выдержали, заржали в полный голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.